

МУХАММАД
ИКБАЛ

ЗВОН
КАРАВАННОГО
КОЛОКОЛЬЧИКА

МУХАММАД ИКБАЛ

ЗВОН КАРАВАННОГО КОЛОКОЛЬЧИКА

*Переводы с урду
и персидского*

И (Инд)
И 41

Составление и подстрочные переводы

В. Анисова

Вступительная статья

Л. Полонской

Примечания

Н. Пригариной

Оформление художника

Е. Адамова

МУХАММАД ИКБАЛ

Впервые об Икбале заговорили в Лахоре, старинном культурном центре индийской провинции Пенджаб, в 1904 году. Во времена колониального завоевания Индии Пенджаб оказывал упорное сопротивление захватчикам и был последним независимым государством, включенным в состав британских владений (1849). Но с тех пор там не было крупных антианглийских выступлений. Накануне первого подъема национально-освободительного движения народов Индии в 1905—1909 годах, казалось, самый воздух в стране был напоен освободительными идеями. Однако участие в политической жизни различных социальных слоев Пенджаба, в своем большинстве мусульман по религии, было крайне незначительным. Пенджабское мусульманское просветительное общество, буржуазно-помещичье по своему классовому составу, занималось преимущественно проблемами образования и развития языка урду, а также распространением среди индийцев английской литературы. Это общество было вполне лояльно в отношении колониальных властей и стояло в стороне от политических вопросов, волновавших передовых людей Индии. И вот на ежегодной сессии общества в 1904 году с трибуны, с которой до сих пор произносились лишь благонамеренные речи, неожидан-

но прозвучала полная горечи и боли поэма о страданиях пора-
бощенной чужеземцами Индии, об отсутствии единства в рядах
индийских патриотов, поэтический призыв очнуться от политиче-
ской спячки и объединиться во имя освобождения родины.

Как поучительна картина мук твоих,
О Индия моя, скорбящая страна!
С рыданием твоим сливается мой стон,
Мне вечностью самой песнь гнева вручена.
О чужеземец, рви цветы в моем саду,
Коль в ссоре сторожа́ и край во власти сна!

Индийцы, полно спать,— иль вас земля стяхнет,
И будущие вас не вспомнят племена.

Кто беспробудно спит — того природа губит,
Кто действием кипит — того, как сына, любит.

Автором поэмы («Картина страданий») был молодой преподаватель английского колледжа, пенджабец по национальности и мусульманин по религии, Мухаммад Икбал (1873—1938). Накануне первого революционного подъема в Индии его песнь гнева сливалась с голосами всех передовых людей страны. В политической апатии («Край во власти сна») и в отсутствии единства («В ссоре сторожа́») увидел поэт причины страданий индийского народа.

Семья М. Икбала не принадлежала к избранным кругам мусульманской знати. Его отец, торговец среднего достатка, готовил сына себе в преемники. Детство Икбал провел в Сялкоте, старинном городе, расположенном на границе Западного Пенджаба и княжества Кашмир. В средневековой истории Индии Сялкот играл немаловажную роль. Однако во времена Икбала это был небольшой торговый центр. Отец Икбала дал сыну вполне современное европейское образование. В то же время, будучи ортодоксальным мусульманином, он не пренебрег и его рели-

гиозным воспитанием. Поэтому Икбал с юных лет отличался прекрасным знанием арабского языка, арабо-персидской литературы и мусульманского богословия. Еще студентом он принимал участие в литературных состязаниях пенджабских поэтов (мушаира) и обратил на себя внимание мастеров поэзии на языке урду. В 1899 году он закончил с золотой медалью правительственный колледж в Лахоре, где и остался преподавать философию и право.

Общественно-политические и философские взгляды Икбала, его поэтическое мастерство формировались в период бурного роста национального самосознания индийской буржуазии и усиления политической активности индийской интеллигенции. Мирозрение последней отличалось глубокой двойственностью. Она была в то время почти единственной выразительницей общенационального стремления индийцев к независимости и борьбе против иноземного ига. Она отражала интересы индийской буржуазии, стремившейся покончить с феодальной отсталостью, создать собственную промышленность и вывести страну на путь независимого капиталистического развития. В ее мирозрении проявлялось также стремление широких народных масс к демократическим преобразованиям, ей были свойственны зачастую и стихийные утопические социалистические идеи. В то же время, не свободная от влияния феодальной идеологии, она идеализировала доколониальное прошлое и стремилась сохранить от посягательств европейцев религию, а иногда и касту, как институты, определяющие «самобытность» и «независимость» индийской культуры.

Индийская интеллигенция была крайне неоднородна по своему составу. Но соединение свободолюбивых идеалов с отмеченными выше противоречиями и слабостями было свойственно в той или иной степени большинству ее представителей, в том числе и Мухаммаду Икбалу.

Едва ступив на поэтическую стезю, Икбал писал о назначении поэта:

Точно тело — народ, люди — части огромного тела;
Руки, ноги — все те, кто работает, делает дело;
Лик — все те, кто кормило правления держит высоко;
А поэт? Он родного народа всезрящее око.
Если тело болит — плачет око и громки рыдания:
Столько к телу, к народу, в поэте любви, сострадания!

(«Поэт»)

В этом стихотворении — зародыши и величия и слабости Икбала. Через все периоды своей творческой деятельности пронес он образ Поэта — «всезрящего ока народа», сила которого в неразрывной связи со своим телом — народом. В то же время, как и большинство других представителей индийской интеллигенции, он видел в трудящихся лишь «руки и ноги» народа, а естественным руководителем — «ликом», главой, считал избранных, то есть образованную буржуазию, интеллигенцию. Однако господство иностранцев причияло, по словам Икбала, боль всему телу Индии.

Своей поэзией Икбал стремился пробудить у индийцев, и прежде всего у индийских мусульман, интерес к политической жизни страны и желание активно бороться против темноты, невежества и всех тех зол, которые, по словам поэта, препятствовали освобождению плененной иностранцами Индии. Не случайно вложил он в уста ребенка такую молитву:

О боже, дай мне светоча пыланье,
Чтоб отступили темнота и зло,
Чтоб стало в каждом уголке светло...
...Да буду к свету знания влеком,
Да буду я слугой для братья нищей,
Для слабых — силой, для голодных — пищей.

(«Молитва ребенка»)

Прекрасные поэтические образы Икбала (например, образ птицы-Индии, в стихотворении «Жалобы птицы») сразу же получили широкое распространение далеко за пределами Пенджаба.

Для многоязычной Индии, общество которой было осквернено различиями между высшими и низшими кастами, между индуской и мусульманской религиозными общинами (индусским большинством и мусульманским меньшинством населения), стихи Икбала о необходимости преодоления внутренних различий и укрепления единства индийцев приобретали особое, патриотическое звучание.

Достаточно вспомнить «Крик боли», буквально вырвавшийся у поэта после одного из индусско-мусульманских столкновений, спровоцированных колониальными властями накануне антиимпериалистического подъема 1905—1909 годов.

Я терзаюсь, и боли ужасна причина.
Поглоти меня, Ганги широкой пучина!
На земле моей — рознь, а народ изнемог:
Наша близость — вражды, а не дружбы залог!
Нет единства, а ссора двух близких позорна...

В те годы, когда колониальные власти подготавливали закон об отдельном политическом представительстве мусульманской и индийской общин, пытаясь таким образом расколоть национальные силы страны, Икбал создал вдохновляющий поэтический образ индусско-мусульманского единства. «Не в силах этой лжи терпеть, я храм покинул и мечеть, теперь ни брахман, ни саид мне не нужны в пути моем. Не пышных идолов твоих,— обращается он к индусам,— и не звучанье сур святых,— говорит он мусульманам,— любой комок родной земли считаю высшим божеством!»

Икбал призывает соотечественников создать «новый храм», где были бы преодолены старые религиозные барьеры и где царствовала бы лишь любовь к матери-Индии:

Слепой вражды рубеж сотрем, чтоб вновь идти одним путем.

Противоречивость мировоззрения Икбала проявилась, однако, в том, что, призывая в стихах к преодолению религиозных барьеров, он в то же время продолжал верить в превосходство ислама над другими религиями и был известен не только как поэт, но и как крупный мусульманский политический деятель, богослов и философ.

Впрочем, между Икбалом-политиком, Икбалом-философом и Икбалом-поэтом никогда не было полного единства. В философии Икбал был идеалистом. Его взгляды формировались под влиянием Канта и Гегеля; как и многие его современники, он «переболел» ницшеанством. В то же время он выступал против слепого следования идеям Запада. «Это новое вино ослабит наш ум, этот свет только усилит темноту», — писал он о буржуазной цивилизации в Европе, противопоставляя ей «великую преобразующую роль ислама».

Этические взгляды Икбала — это взгляды борца, стремившегося к тому, чтобы изменить судьбу своей угнетенной родины, и уверенного в том, что мир следует и можно переделать. «Самоуспокоение и покой — смерть, действие — это жизнь», — утверждал он. Философия человека-деятеля нашла яркое выражение в поэзии Икбала.

Современники Икбала и исследователи его творчества называли Икбала поэтом-философом. Сам Икбал считал поэзию «ореолом истинной философии и подлинных знаний». Однако в своей философии человека-деятеля Икбал не был последовательным, и на его взглядах лежала печать неверия в народные массы.

Непоследовательным был он и в своих политических взглядах. Стремясь к независимости Индии, призывая к активной борьбе во имя этой независимости, он считал, что час освобождения еще не пробил. Икбал был антиимпериалистически настроенным человеком, но он был прежде всего деятелем *мусуль-*

манской общины. Это нашло отражение в его чрезвычайно популярном среди пенджабской молодежи во время революционного подъема 1905—1909 годов стихотворении «Студентам Алигархского колледжа». Алигархский колледж был создан в 1877 году с помощью английских властей отцом мусульманского просветительства Саид Ахмад-ханом. Этот колледж воспитал целое поколение мусульманской интеллигенции, способствовал освобождению умов мусульманской молодежи от мертвящей схоластики мусульманских богословов. В то же время руководители колледжа, принадлежавшие к самому правому крылу буржуазно-помещичьей верхушки мусульманской общины, стремились оградить молодежь от распространения революционных идей и антианглийских настроений. И вот в те годы, когда колониальные власти всеми силами старались использовать деятелей Алигарха для раскола национальных сил страны, когда с кафедр колледжа раздавались призывы к благоразумию, поддержке английских благодетелей и проклятия по адресу индийских националистов, осмелившихся выступить с осуждением колониального господства, студенты получили послание популярного и любимого поэта:

Шлют много посланий люди, мое посланье иное.
У любящего отчизну и слов звучанье иное.

Ты слышал бессильный ропот в силках трепещущей птицы,
Послушай вольную птицу — ее стenanье иное.

Пока на горле кувшина оставьте кирпич традиций!
Когда вино перебродит — придет сознание иное.

(«Студентам Алигархского колледжа»)

Поэт признавал, что еще не настало время сбросить «кирпич традиций», под которым он подразумевал иностранное господство. Но его постоянный рефрен о том, что неизбежно придет иное сознание, сознание необходимости освобождения, не остав-

лил сомнения в его собственном желании быстрее сбросить этот «кирпич».

В то же время Икбал никогда не был последовательным сторонником массовых революционных методов борьбы и в политике, как и в философии, верил в преобразующую роль ислама. Поэтому свою политическую судьбу он связал с мусульманским религиозно-общинным движением и Мусульманской лигой, партией мусульманской буржуазии и помещиков, основанной в 1906 году и возглавившей впоследствии движение за создание Пакистана. Икбал разделял теорию о существовании «особой мусульманской нации», выдвинутую руководителями Мусульманской лиги, и считается поэтому в мусульманском мире одним из идеологов «мусульманского национализма».

Но Икбал-поэт во многом поднялся над ограниченностью Икбала-политика. Его поэтические образы прочно вошли в сокровищницу индийской поэзии. Икбала-поэта знает и любит народ. Прогрессивная общественность по праву считает его одним из самых популярных поэтов эпохи колониализма в Индии.

В годы напряженной борьбы за независимость песни Икбала распевала вся революционная Индия.

В поэзии Икбал обращался не только ко всем индийским патриотам, но и ко всем мусульманам угнетенного Востока. Поэтому он писал как на урду, одном из литературных языков Пенджаба, так и на фарси, который был понятен народам стран Ближнего и Среднего Востока, а в самой Индии имел давнюю литературную традицию.

Сложная поэтическая палитра Икбала состояла из красок, почерпнутых и на Востоке и на Западе. Форма и поэтические образы стихов-раздумий Икбала, особенно в первый период его творчества, имели много общего с элегиями В. Вордсворта, У. Купера и других английских романтиков так называемой «озерной школы» первой половины XIX века (размышления о

сущности бытия, сравнение явлений природы с общественными явлениями и тому подобное).

Однако гораздо большее влияние оказала на Икбала классическая персидская поэзия, традициям которой он, по существу, во многом и следовал. Его поэмы написаны на персидский манер в форме маснави (парная рифма). Встречались у него и рубаи и газели, близкие по форме к стихам Хафиза, Амира Хосрова и известного суфийского¹ поэта и философа XIII века Руми. Поэзия суфиев — великих мистиков Востока — оказала на творчество Икбала большое влияние. Однако с годами его увлечение суфизмом сменилось резкой критикой мистицизма вообще.

Отход от суфизма начался во время пребывания Икбала в Европе, куда он отправился в 1905 году для продолжения своего образования и где пробыл до 1909 года. Стихи этих лет составляют второй период творчества поэта. От пантеизма и мистицизма суфиев Икбал переходит к последовательному единобожию и сам входит иной раз в противоречие со своей идеалистической концепцией о «божественном характере сил природы». В написанной в Англии работе «Развитие мистицизма в Персии» Икбал делает вывод, что мистицизм суфиев препятствует всестороннему развитию человеческой личности. В поэзии отход от суфизма проявился в изменении поэтической трактовки многих традиционных суфийских образов². Герою Икбала, в противоположность аскету-суфию, свойственно стремление к земным радостям. «Красиво и желанно всем лишь то, что преходяще», — писал Икбал в стихотворении «Сущность красоты». Од-

¹ Суфизм, как одно из направлений средневекового мистицизма, возник на Арабском Востоке в VIII—IX веках и получил распространение в Индии сразу же после так называемого мусульманского завоевания (IX век).

² См. об этом в примечаниях к стр. 38 («Свеча и мотылек»)

нако многим поэтическим образам суфийских лириков Икбал остается верен всю свою жизнь.

Основное место в творчестве Икбала занимало поэтическое противопоставление начал добра и зла, света и тьмы. В плане этого противопоставления дается поэтическая трактовка и поэтическое противопоставление вполне современных политических явлений: идущей, по его мнению, к гибели цивилизации Запада и ждущей своего обновления культуры Востока; политической апатии, темноты и невежества, с одной стороны, и стремления к активной деятельности и жажды знаний, с другой. Такое противопоставление мы видим и в поэтической символике Икбала. В уста действовавших в его произведениях великих поэтов прошлого, героев библейских и мусульманских преданий, Икбал вкладывал собственные мысли.

Широкое распространение в его творчестве символики объяснялось не только влиянием суфийских поэтических традиций. Немаловажную роль играло, по-видимому, также сознательное стремление поэта избежать преследования колониальных властей. Средствами поэтической мимикрии были и отвлеченные поэтические образы, и романтическая аллегория. Символика Икбала была близка и понятна индийцам, особенно индийцам-мусульманам. Английские же чиновники, хотя и чувствовали за частую крамолу в стихах Икбала, не видели, однако, формальных оснований для их запрещения, поскольку, на первый взгляд, они далеко не всегда имели прямое отношение к политике.

Икбал может быть с полным правом назван поэтом-романтиком. Но его романтизм, несмотря на отмеченные выше влияния, существенно отличался и от английского романтизма первой половины XIX века, и от поэтической символики суфиев. Поэтические образы Икбала были наполнены глубоким политическим и философским содержанием и перекликались с произведениями революционного романтизма пачала XX века.

Наиболее полно патриотический пафос гражданской лирики Икбала проявился в его творчестве накануне первой мировой войны и в период революционного подъема 1919—1923 годов, начавшегося в Индии под непосредственным влиянием Великой Октябрьской социалистической революции в России. По мнению исследователей поэзии Икбала, 1909—1917 и 1918—1923 годы составили два новых важных этапа в творчестве поэта.

В 1909 году в Лахоре вновь заговорили об Икбале. Он только что вернулся из Англии, опять был назначен преподавателем философии и права в Лахорском колледже и вдруг неожиданно для окружающих подал в отставку. Во имя своих свободолюбивых идеалов он отказался от хорошо оплачиваемой работы, заявив, что его призвание поэта-гражданина несовместимо с государственной службой. Из уст в уста передавались слова Икбала о том, что его отставка вызвана желанием «передать народу свое послание», которое должно пробудить у каждого стремление к активным действиям для освобождения родины от колониальной зависимости. Он решил полностью посвятить себя поэзии и весьма ненадежной с точки зрения постоянного заработка адвокатской практике. Этот поступок произвел на окружающих не меньшее впечатление, чем знаменитое выступление Икбала на заседании просветительного общества в 1904 году. Десять лет спустя, когда в 1919—1923 годах вся Индия была охвачена антианглийскими волнениями, отказ индийских преподавателей от работы в английских учебных заведениях стал составной частью кампании гражданского неповиновения, провозглашенной Ганди. Но в 1909 году отставка по политическим мотивам была из ряда вон выходящим событием.

Накануне и в годы первой мировой войны начался бурный рост политической активности индийской мелкобуржуазной интеллигенции. Мусульманская интеллигенция не осталась в стороне от общего патриотического подъема. Появились местные га-

зеты на национальных языках, придерживавшиеся открыто антиимпериалистических позиций. Колониальные власти обрушили на головы индийских патриотов град репрессий. В 1915—1916 годах среди индийской интеллигенции начались аресты. Несмотря на то было и на родине Икбала — в Лахоре. Патриотически настроенная мусульманская молодежь Пенджаба группировалась вокруг газеты «Заминдар», отражавшей в те годы национальные устремления широких слоев населения. Икбал также сотрудничал в этой газете. Когда начались аресты, единомышленники поэта приняли решение послать заключенным в тюрьму индийским патриотам первую философскую поэму Икбала «Тайны личности» («Асрар-и худи»), изданную в 1915 году.

Поэма Икбала была поэтическим утверждением неисчерпаемых созидательных возможностей человеческой личности. Поэт-философ воспевал не послушание и покорность, а твердость, смелость и упорство в борьбе со злом. Только в этой борьбе видел он путь к совершенствованию человеческой личности, к ее бессмертию. В подтексте знаменитого диалога угля и алмаза из книги «Тайны личности» лежало противопоставление существу, которое мирится со своим рабским положением (мягкотельный уголь), человека, закаленного в борьбе, стремящегося к устранению зла и насилия не в потустороннем, а в земном, реальном мире (алмаз, обладающий «славой светоча»). В поэме Икбала уголь произносит следующие слова:

Глумиться может каждый надо мной,
Захочет — и сожжет меня любой.
Я знаю, что горька судьба моя,
Что жалок смысл такого бытия.

Только борьба, говорит Икбал, может отшлифовать мягкие края угля и превратить его в алмаз. Ответ алмаза углю — это

ответ Икбала мусульманской интеллигенции на вопросы, остро поставленные перед ней жизнью:

Забудь свой страх, печаль, тревоги разом,
Будь тверд во всем — и станешь ты алмазом...
...Запомни: славен тот, кто тверд и смел.
Ничтожность, тленность — слабого удел.

В 1918 году была опубликована вторая философская поэма Икбала «Секреты самоотречения» («Рамуз-и бихуди»). Она была посвящена проблемам формирования национального самосознания индийцев и взаимоотношения личности и общества.

Икбал выступил с передовой для своего времени идеей о служении человека обществу, служении народу. Только оно превращало, по его словам, человека из биологического индивида, жизнь которого ограничена во времени, в личность, обретающую бессмертие.

В стихотворении «Держись за дерево и верь в свою весну» он сравнивал деятеля, оторванного от народа, с веткой, отломленной от дерева.

В философских поэмах Икбала так же, как и в циклах его стихов, посвященных человеку-деятелю, звучат подлинно пророческие мотивы.

Противопоставление индийского патриота, активно борющегося против зла, равнодушному и покорному человеку составляет подтекст не только философских поэм Икбала, но и многих его сатирических произведений. Таково стихотворение «Разговор», повествующее о «спесивой курице и вольной птице», миниатюра «Муравей и орел» и другие.

Творческая манера Икбала не была постоянной, она менялась, главным образом, в зависимости от того, какие идеи стремился он облечь в строки стихов. Если для своих философских раздумий он избирал обычно форму классической персидской поэмы, то политическая сатира и стихи-обличения чаще всего

выливались в короткие рубаи. Наиболее острые политические обличения Икбала относятся к периоду 1918—1923 годов.

Великая Октябрьская социалистическая революция оказала большое влияние на национально-освободительное движение народов Индии и на формирование общественно-политических взглядов индийской интеллигенции. Первые крупные политические выступления индийского пролетариата убедили интеллигенцию в том, что трудящиеся могут играть самостоятельную роль в общем национально-освободительном движении. Икбал одним из первых приветствовал Октябрьскую революцию. По его словам, эта революция открыла новую эру — «эру рабочих». Он призвал своих соотечественников прислушаться к голосу рабочего России, в уста которого он вложил призыв объединиться и перевернуть старые устои.

Революция в России продемонстрировала, по его словам, неизбежность уничтожения старого мира.

Старый, прогнивший мир! Видно, пришел твой срок,— писал он в стихотворении «Революция».

До конца своих дней Икбал восхищался русской революцией, положившей конец угнетению человека человеком. В своей поэме «Книга Джавида» («Джавид нама»), написанной в последние годы жизни, он называл марксизм «гигантом с верующим сердцем и атеистическим разумом».

Дитя своего класса, так и не освободившийся от религиозной ограниченности, Икбал считал, однако, неприемлемым для народов Индии путь революционной России. По его мнению, социальная справедливость и равенство должны быть установлены не вследствие социально-экономических преобразований, а благодаря нравственному совершенствованию людей. В период усиления во всем мире влияния социалистических идей такая концепция свидетельствовала об ограниченности мировоззрения Икбала и неред-

ко толкала его в объятия реакции. Особенно ярко это проявилось в последний период его творчества (после 1923 г.).

При всей двойственности и противоречивости своего мировоззрения, как обличитель всех форм угнетения человека, Икбал был в одном ряду с самыми передовыми людьми Индии. Он выступал против угнетения народов Востока капиталистической Европой, против угнетения крестьян помещиками, рабочих капиталистами. Он высмеивал западную демократию, при которой «рабов считают, словно скот, и никому не важен ум или уменье их».

Он вопрошал с возмущением, по какому праву капиталист присваивает плоды труда рабочего, а помещик пьет кровь крестьянина. Он едко высмеивал попытки богачей отвлечь рабочих от борьбы за свои права посулами благ в потустороннем мире.

Икбал-поэт постоянно поднимался над ограниченностью Икбала-политика и Икбала-философа. Не случайно он вложил в уста человека-деятеля следующее пророческое обращение к богу:

Ты создал ночь, но я огонь достал.
Ты создал глину, я слепил фиал.
Пустыню создал ты и глыбы скал,
Я создал сад, чтоб мир благоухал.
Я тот, кто превратил в стекло песок
И смертоносный яд — в сладчайший сок.

(«Разговор творца с человеком»)

Икбал-политик поддержал в последний период своей деятельности реакционное сепаратистское течение мусульманского общинного движения, использованного колонизаторами для раскола национальных сил Индии. Икбал-философ опубликовал в этот последний период философский трактат «Реконструкция религиозной мысли ислама», в котором, по существу, выступил против материалистической философии, за приспособление исла-

ма к нуждам современного общества. А Икбал-поэт до последних дней остался горячим патриотом Индии, певцом всех угнетенных и обездоленных, врагом всех угнетателей. По-прежнему он обращался не только к мусульманам, а ко всей своей горячо любимой многострадальной матери-Индии и жестоко скорбел о том, что не является свидетелем ее освобождения.

О Индия, страна моя, темна судьба твоя:
Ты все еще жемчужина — краса чужой короны,
Крестьянин твой, кормилец твой, похож на мертвеца,—
Истлевший саван он надел и нищету взял в жены.
...Зачем ты, гордость позабыв, смиренно бьешь поклоны? —

писал он в стихотворении «Жалоба».

Стихи Икбала знают и любят далеко за пределами Индии. И ныне народы Азии, освободившиеся от колониального рабства, высоко чтут память замечательного поэта.

Л. ПОЛОНСКАЯ

Из книги

**«ЗВОН
КАРАВАННОГО КОЛОКОЛЬЧИКА»**

1902 — 1924

Перевод с урду

© 2000

THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS

CHICAGO, ILLINOIS

СТИХИ 1902—1904 гг.

Г И М А Л А И

О Гималаи, вы — Индии вал крепостной!
Небо целует ваш лоб, что слепит белизной.
Время прикрыть вас не смеет своей пеленой,
Вечно вы молоды — днем ли, порой ли ночной.
Проблеск, чуть видный, открылся пророку с Синая,
Вы же стоите, для мира всей мощью сияя.

С виду вы горы всего лишь, но мудрый поймет:
Индии вы сторожа, и стена, и оплот.
Вы — словно мысль, что ведет человека вперед,
Книга стихов, где начальной строкой — небосвод.
В снежном тюрбане глядите на мир величаво,—
Что вам сверкание солнца и звездная слава!

Вечность для вас — как мгновенье текущей поры.
Тучи на ваших хребтах разбивают шатры.
Кто собеседники ваши? Планеты, миры!
Вы — на земле, но берете у неба дары.
Речка внизу — ясным зеркальцем кажется скалам,
Стало для речки дыханье травы — покрывалом.

Жаркие молнии вам вместо плеток даны,
Чтобы проворней скакали ветра-скакуны.
Вы, Гималаи,— ристалище нашей страны,
Место для игр, где стихии бороться должны.

Слон ли, сорвавшись с цепи, пляшет в радостной пляске?
Нет, это облако кружится здесь без опаски!

К пестрым лугам благовонье летит ветерка,
Нежно раскачивая колыбельку цветка.
Речь лепестков будто слышится издалека:
«Нас никогда и ничья не срывала рука,
Это безмолвье о нас говорит громогласно,
Здесь паше царство,— оно, как сказанье, прекрасно!»

Мчится с вершины прозрачный и звучный ручей,—
Райской воды животворной свежей и звончей,
Катится, полный свечения горных лучей,
То по камням, то вдали от камней-силачей.
Странник-ручей, ты по сердцу ударь, как по струнам,
Сердце давно пленено твоим голосом юным!

Косы распустит красавица ночь, и слышна
Будет одна лишь вода, лишь одна тишина.
В эти часы человеку и речь не нужна,—
Так хороша тишина и светла вышина!
Только над вами зажжется заря на востоке,—
Сразу же ярким румянцем покроются щеки.

О Гималаи, поведайте нам без прикрас,
Как наши предки жилище нашли возле вас,
Как благородны, бесхитростны были,— рассказ
О чистоте изначальной начните сейчас.
Воображенье, проникни в истоки событий,
Дни нашей жизни, обратно, обратно бегите!

А Л А Я Р О З А

Тяжких ссадин, и горя, и боли не ведаешь ты.
Сердца нет у тебя. Видно, нет у тебя доброты.
Украшаешь ты мир, отрешась от его суеты.
Ну, а я не могу жить беспечно, как ты, как цветы!
Ты не знаешь томленья, красуясь у всех на виду,
Ну, а я полон страсти и пламени в этом саду.

Не сорву тебя с ветки,— живи, незнакома с тоской.
Только издали гляну, чтоб твой не нарушить покой.
Как тебе объяснить? Не имею привычки такой,
Не срываю прекрасные розы жестокой рукой.
Что мне путаный спор мудрецов о путях бытия?
Я на розу смотрю, я глазами смотрю соловья!

Ты безмолвна, хоть сто лепестков твоих — сто языков.
Что за тайну, поведай, на сто ты замкнула замков?
Ты и я, мы росли на Синае, не зная оков,
Но как ты, но как ты, я от райских далек цветников!
Ты спокойна, а я, как твой запах, тревожно живу,
Я иду, я в смятенье ищу и на поиск взову.

Пусть волнение мое не избавит людей от забот,
Пусть горенье мое правоверным свечой не сверкнет,
Пусть бессилье мое не восславит насилия гнет,
Пусть не чаша Джамшида — мой стих, пусть в нем мир
не живет,—

Но исканья мои — это светоч, а он запылал,
Чтобы сердце познать человечье, начало начал!

ПАУК И МУХА

Так паук сказал однажды мухе:
«Ты проходишь мимо ежедневно,
А в мой дом ни разу не заглянешь,
Не обрадуешь меня душевно.
Церемониться со мной не надо,
Не чужие мы с тобой как будто.
Поднимись по лестнице, прошу я,
В доме много у меня уюта».

«Я не дура,— муха отвечала,—
То, что ты задумал, мне понятно.
Кто по лестнице твоей взбирался,
Не спускался никогда обратно!»

А паук сказал: «Поверь мне! Душу
Ты от подозрения очисти.
Для тебя одной теперь стараюсь,
Не ищу я никакой корысти.
Будь моею гостьей долгожданной,
Причинять не надо мне обиду.
У меня — хороший дом и прочный,

Не смотри, что неказист он с виду.
У меня — пуховые постели,
На дверях, па окнах — занавески,
Кружева роскошные повсюду,
Зеркала соперничают в блеске».
«Нет,— сказала муха,— не войду я,
У тебя совсем иные цели.
Никогда потом не просыпался
Тот, кто на твоей заснул постели!»

Тут паук подумал: «Что мне делать?
Муха не глупа, скажу по чести!
Может быть, мне лезть поможет? В мире
Все становятся рабами лести!»
«О прекрасная,— сказал он мухе,—
Ярким вы сверкаете алмазом.
Кто хоть раз на вашу прелесть взглянет,
Потеряет сон, покой и разум.
Вы украшены блестящим гребнем,
Вы — блаженство для души и плоти,
Вы — стройны, нарядны и при этом,
Пролетая, сладостно поете!»

Эта речь была приятна мухе:
«Не боюсь я, ибо мыслю здраво.
Неприлично огорчать знакомых,
Отказаться не имею права».
Так сказав, от льстивых слов растаяв,
В паутинный дом влетела муха.
Высосал ее паук тотчас же,
И голодное набил он брюхо.

ГОРА И БЕЛКА

Гора сказала белке: «Ты горда,
А лучше б утопилась со стыда.
Такая крохотная, а туда же —
И кружится, и веселится даже!
Ничтожество — зато какая спесь!
Безмозглая — а с умным спорит здесь!
Тебе со мной сравниться разве можно?
Ты пред моим величьем так ничтожна!
Иль впрямь ты возомнила, что мудра,
Что значишь ты не меньше, чем гора?»

«Попридержи язык,— сказала белка.—
Ты велика, а рассуждаешь мелко.
Ну что ж, в тебя я ростом не пошла,
Зато и ты, как белка, не мала.
Предметов и существ на свете много,
Величина дается нам от бога.
Твою главу он поднял до светил,
Меня по веткам прыгать научил.
Недвижна ты, хотя и величава,
А в этом свойстве мало толку, право!

Ты мне своим величьем не грози,—
Попробуй-ка орешек разгрызи!
Достойны жить все виды, все породы,
И нет ничтожных в мастерской природы!»

КОРОВА И КОЗА

Зеленый луг дышал весной,
Земля сияла новизной,
На западе и на востоке,
Шумя, сбегали с гор потоки.
Расцвел гранат, расцвел инжир,—
О, как хорош весной мир,
И пенье птиц, и листьев лепет,
И ветерков прохладных трепет!
Коза (я сам не знаю — чья)
Траву щипала у ручья,
Но вдруг, окинув местность взглядом,
Заметила корову рядом.
Поклон отвесив ей сперва,
Учтиво молвила слова:
«Как чувствуешь себя, сестрица?»
А та: «Спасибо... Что таиться?
Мне опротивел белый свет,
Терплю я столько мук и бед.
Ну, что за участь, право слово!
Живу и мучусь, право слово!
Велик аллах в своих делах,

Но счастья не дал мне аллах.
Меня судьба терзает злая,
Пощады к беднякам не зная.
Неблагодарен человек,—
Не связывайся с ним вовек!
Никак не угодишь злодею:
Продаст, как только похудею,
А дам чуть меньше молока,—
Рассердится наверняка!
А ведь его семье здоровье
Дарует молоко коровье!
Я вместо блага вижу зло,—
О, боже, как мне тяжело!»
«Не вправе ты роптать, корова.
Тебе отвечу я сурово,
Хоть колет истина глаза,—
Сказала честная коза.—
Мы дышим воздухом чудесным.
А кто нам, тварям бессловесным,
Дал во владенье этот луг
И все, что здесь цветет вокруг?
Покой, свобода, зелень, влага —
От человека эти блага!
Не он ли, беззащитных, нас
От смерти и от горя спас?
В лесу опасности сокрыты,
В лесу ты не найдешь защиты.
Должна не жаловаться впредь,
А с благодарностью смотреть
На человека постоянно:
Он — счастья твоего охрана.
Поняв, что человек — ей друг,

Корова устыдилась вдруг.
И, взвесив то и это слово,
Сказала про себя корова:
«Коза, хотя она мала,
Совет хороший мне дала».

МОЛИТВА РЕБЕНКА

Молитвою слетело с губ желанье:
«О боже, дай мне светоча пыланье,
Чтоб отступили темнота и зло,
Чтоб стало в каждом уголке светло,
Тогда отчизну я собой украшу,
Как розы украшают землю нашу.

Меня, о боже, сделай мотыльком,
Да буду к свету знания влеком,
Да буду я слугой для братьи нищей,
Для слабых — силой, для голодных — пищей.
Путем добра веди меня, господь,
И зло ты помоги мне побороть!»

ДОБРОТА

На ветке дерева сидел
Печальный соловей.
Он думал: «Ночь уже близка,
Становится темней.
Как до гвезда я доберусь?
А путь лесной далек!..»
Услышав стоны соловья,
Воскликнул светлячок:
«Хотя я мал,— я всей душой
Готов тебе помочь.
Лети, не бойся, буду я
Тебе светить всю ночь.
Живой светильник, я сильнее,
Чем эта темнота!..»
Да славится из века в век
Людская доброта!

ЖАЛОБА ПТИЦЫ

Где вы, прежние светлые годы,
Где весна и над садом звезда?
Не забуду я время свободы:
То в гнезде, то лечу из гнезда.
Плачут росы,— прекрасны их слезы,
И как будто их грусти в ответ,
Улыбаются алые розы,
И в гнезде моем радостный свет.
Там, за клеткой, ликует весна..
О, как воля теперь мне нужна!

Я по дому томлюсь, мне не спится,
Вспоминаю отчизну, друзей.
Все страшней и печальней темница,
А весна — все теплей и светлей!
Я от горя умру,— но кому
Расскажу про тоску и тюрьму?

С той поры, как живу я в неволе,
От жестоких страдаю тенет.

И, услышав стенания боли,
Ты не думай, что птица поет.
О тюремщики, волю мою
Мне верните — и я запою!

СВЕЧА И МОТЫЛЕК

Свеча, скажи мне, почему в тебя влюбился мотылек?
В тебя влюбленный, почему на гибель он себя обрек?
Зачем он жертвует собой, как капля ртути трепеща,
Что за высокую любовь ему внушила ты, свеча?
Он кружится вокруг тебя, томленьем и огнем объят,—
Быть может, опалил его, как молния, твой жаркий взгляд?
Иль в муках смерти хочет он покой, свободу обрести?
Иль хочет в пламени твоём бессмертья воду обрести?
О нет, он полюбил тебя, как бы рассудку вопреки,
Лишь потому, что светишь ты в жилище мрака и тоски.
Свеча, от света твоего — в его душе восторг и страсть,
Вот почему перед тобой с молитвой он готов упасть.
Свеча, ты для него — Синай, и, как всевышнего — пророк,
Твою восславил красоту вот этот слабый мотылек.

Смотри, и виден-то едва, но как сильна, как велика
Та жажда света, что в душе у маленького мотылька!

КРИК БОЛИ

Я терзаюсь, и боли ужасна причина.
Поглоти меня, Ганги широкой пучина!
На земле моей — рознь, а народ изнемог:
Наша близость — вражды, а не дружбы залог!
Нет единства, а ссора двух близких позорна.
На гумне — о, проклятье! — рассеяны зерна.
Чтобы сад не замолк, не увял в краткий срок,
Пужен братской любви и добра ветерок.
Дружбы жажду я истинной и беспорочной,
А не берега с волнами дружбы непрочной.

Я — поэт, я — зерно, а гумно — вся страна.
Сохранится ль зерно без отчизны-гумна?
Красоте равнодушным понравиться трудно,
Не нужны и светильники там, где безлюдно.
Если так, то замолкни, замолкни, мой стих,
Ты разбейся, — ты, зеркало мыслей людских!
Не успела поэзия вымолвить слово —
Пламя розни оставило братьев без крова...

СОЛНЦЕ

(«Гаятри Мантра»)

О солнце, сердце мира, свет нетленный,
Ты — дух, скрепивший рукопись Вселенной,
Небытия и бытия причина,
Источник жизни и ее вершина.
Ты всех стихий извечная основа,
Ты — трепетание всего живого.
Все, что цветет кругом, — твое даренье,
Во всем, что светится, — твое горенье.
Ты влагу сотворило нам и сушу,
Ты разум подарило нам и душу.
Свети нам, солнце, светом вечной мысли,
И нас к разумным существам причисли.
Ты создало высоты и низины,
Миров добра и зла творец единый.
Ты — в человеке, в звере, в травах, в зернах,
В величии хребтов высокогорных.
Ты — пестун всех, от мала до велика,
Ты — повелитель звезд, планет владыка.
 Не зная ни конца и ни начала,
 Свободное, свободу увенчало.

О Д Н О Ж Е Л А Н И Е

Я так устал от суеты мирской,
Что не хочу ни с кем на свете встречи.
Я страстно жажду тишины такой,
Что радостнее самой умной речи.

О хижине мечтаю под горой,
Где скорбь моя прошла бы мировая,
Где я вставал бы утренней порой,
Заботами себя не утруждая.

Я б музыку услышал в роднике,
А в птичьих голосах — стихов пыланье,
Я целый мир увидел бы в цветке,
А в лепестке — возлюбленной посланье.

Я спал бы на траве, в тени ветвей,
Не ведал бы в уединенье скуки.
Меня в лицо узнал бы соловей,
Доверчиво свои дая мне звуки.

Так будут горы хороши тогда,
Так ручейков они приманят взоры,
Что волнами поднимется вода,
Лишь для того, чтобы взглянуть на горы.

Заснет долина в люльке голубой,
Росы рассветной затрепещут слезы,
Как в зеркале красавицы, собой
В озерах будут любоваться розы.

А вечером, когда закат-жених
Придет, а высь-невесту нарумьяют,
Надеждою для путников ночных
Мой догорающий светильник станет.

Иль молния, дорогу озарив,
Укажет, как пройти ко мне быстрее,
Там, где кукушки утренний призыв
Мне муэдзина выкриков милее.

Мне ни молитва не нужна, ни храм.
С рассветными проснувшись голосами,
Начну с росой плакать по утрам
И омовенье совершу слезами.

Для каравана звезд, в ночной тиши,
Мое рыданье колокольцем будет,
Не станет спящей ни одной души:
Всех, кто заснул, мой скорбный плач разбудит!

УТРЕННЕЕ СОЛНЦЕ

Ты выше гомона людского кабака,
Ты — кубок, и тебя вздымают облака,
На утреннем челе — ты жемчуг дорогой,
Высь-новобрачную украсило серьгой.

На письменах небес, рожденные во мраке,
Все звезды стерло ты — ошибочные знаки.

Как только всходишь ты на вольный небосклон,
Тотчас же с глаз людских везде слетает сон.
Становятся глаза и зорки и чисты,
Но только внешние им видятся черты.

О солнце, окажи нам истинную милость,
Чтоб внутренняя суть вещей глазам открылась!

Свобода на земле еще не родилась,
Еще не порвана со злом и мраком связь,
А ты равно для всех сияешь с высоты...
О, если бы на мир я мог смотреть, как ты,—
Чтоб в горе всех людей проникнуть ясным взглядом.
Чтоб их не различать по расам и обрядам.

Чтоб мой язык был всем понятен, как родной:
Народ мой — род людской, отчизна — шар земной!
Чтоб мира я постиг таинственную суть,
Чтоб мысль моя могла и в небесах сверкнуть,
 Чтоб, не запутавшись в узле противоречий,
 С любовью, с красотой я радовался встрече.

Я плачу,— больно мне, что ветер так жесток
И губит розовый душистый лепесток.
Но если б искорка любви во мне зажглась
И вся печаль земли открылась бы для глаз,—
 Я стал бы зеркалом правдивым мироздания,
 Не знал бы чувств других, помимо сострадания.

О величавое! Не в том величье, нет,
Чтоб жить, не ведая людских забот и бед!
Пойми: лишь для людей — весь блеск твоих лучей,
Не то — ничтожней ты, чем пыль у ног людей:
 Все время человек мир созерцает, видит,
 А ты — лишь с той поры, как утро к людям выйдет!

Я так хочу найти свет правды и добра,—
Дорога поисков прекрасна и мудра!
Как много красоты в исканиях таких,
В бесплодных, может быть, усилиях людских!
 Тебе же незнаком познания трепет сладкий,
 Не мучают тебя творения загадки.

У В Я Д Ш А Я Р О З А

На каком языке я тебя воспою?
Ты, увядшая, разве нужна соловью?
Ветерок был твоей колыбелью вначале,
И смеющейся розой тебя величали.

 Так душист был твой сад, будто нам продавец
 Распахнул благовоньями полный ларец.

Но тебя я оплакал соленой росой,
Ты — двойник мой, о роза с увядшей красою!
Сном была моя жизнь, — гибель ей суждена, —
А в тебе — толкование этого сна.

 Не увижу мой сад, где года пролетели.
 Я — свирель. Слышишь, роза, стенанья свирели?

ЛЮБОВЬ И СМЕРТЬ

Прекрасны были дни рожденья мира,
Прекрасен был творения расцвет.
Был солнцу золотой венец дарован,
Был серебром наполнен лунный свет,
Для ночи сшили плащ из черной ткани,
Сиянье смастерили для планет,
Деревья облачились в зелень листьев,
Весенний распустился первоцвет,
Роса впервые научилась плакать,
А розы — улыбаться ей в ответ,
Пришел впервые к самоотреченью,
Во имя правды и добра, поэт,
И облака, как гурии кудрявы,
Земле послали в первый раз привет.

Земля сказала: «Райский я чертог!»
Материя воскликнула: «Я бог!»

Короче: так везде красиво было,
Что жизнь сама тогда в восторг пришла!

Соревновались ангелы в полете,
Свет вечности струился с их чела.
Одно из тех существ звалось Любовью.
Творя одни лишь добрые дела,
Любовь — всегда смятенье, озаренье,
Она всегда чиста, всегда светла.
Любовь случайно встретилась со Смертью,
Вопрос ей на дороге задала:
«Какой ты занята работой? Кто ты?
Твой облик страшен, как источник зла!»

«Я — Смерть,— сказала Смерть.— Я занята
Работой, что понятна и проста.
Я бытия одежду разрываю,
Я все уничтожаю издавна.
Мигну — из глаз моих погибель мчится:
Мой взгляд — убийца с мощью колдуна!
Есть существо, что и меня сильнее:
Любовь. Она опасна мне одна.
Она — зеница глаз господних, искра,
Что в сердце человека рождена.
Порой из глаз она слезами льется,
Но эта горечь каждому нужна».
Услышав слово Смерти, улыбнулась
Любовь, и, словно молния, грозна,
Улыбка та пронзила Смерть. А разве
Не будет светом тьма побеждена?

Смерть умерла, любви увидев свет,
Смерть умерла, и смерти больше нет!

ПОЭТ

Точно тело — народ, люди — части огромного тела;
Руки, ноги — все те, кто работает, делает дело;
Лик — все те, кто кормило правления держит высоко;
А поэт? Он родного народа всезрящее око.
Если тело болит — плачет око и громки рыданья:
Столько к телу, к народу, в поэте любви, состраданья!

РЕЧНАЯ ВОЛНА

Тревожно у меня трепещет грудь.
Всегда волнуясь и дрожу, как ртуть.
Кто я? Волна. Мне берега тесны.
Ни бездны не боюсь, ни крутизны.

Я мчусь на влажном скакуне реки,
За рыбы не цепляясь плавники.
То в полнолунье вскину гребень свой,
То бьюсь о берег буйной головой.
Как странница, в смятении брожу,—
Лишь сердце знает, почему дрожу:
В реке мне тесно, я томлюсь тоской —
Я тайно влюблена в простор морской.

Д И Т Я

Ты горько плачешь, рассердившись, что у тебя я отнял нож.
Хотя добра тебе желаю, ты от меня добра не ждешь.
Опять расплачешься, я знаю, но все, что ты берешь,— остро.
Смотри не уколись, мой мальчик: опасно тонкое перо!
Ты любишь только те предметы, что причиняют боль всегда.
Не лучше ли клочок бумаги? Не будет от него вреда!
Где мячик твой зелено-красный? Где кошечка? Она жива?
Ах, у нее уже отбита фарфоровая голова!
Была ль вначале пыль желаний на сердце — зеркальце твоим?
Но ты увидел мир, и сразу желанья вспыхнули огнем.
Твои движения и повадки, живого личика черты
Уже таят в себе желанья — младенческие, как и ты.
Различий в мире ты не видишь, но ты в счастливый некий миг
Таинственную суть природы уже, мне кажется, постиг.
Вот на меня ты рассердился и начал плакать и кричать,
Но, получив клочок бумаги, ты успокоился опять.
Как друг на друга мы похожи, единой связаны судьбой!
Мой нрав непостоянен тоже, мы переменчивы с тобой.
То обольщен краскою мира, то болью мира заболел,
В восторг мгновенно прихожу я, мгновенно прихожу я в гнев.

Прошло все то, что так пленяло. К чему стенание мое?
Как ты, я знаю очень мало, и в этом — знание мое.
Как ты, я то смеюсь, то плачу, то наслаждаясь, то грустя.
Как ты, хотя я с виду взрослый, я — неразумное дитя.

КАРТИНА СТРАДАНИЙ

(Поэма)

I

Никто не внимлет мне — замкну свои уста.
Молчанье — речь моя, язык мой — немота.
Скажите мне, зачем безмолвно все вокруг?
Ведь жаждет говорить и петь моя мечта.
Украли соловьи моих стенаний грусть,
И дрожь моих страниц тюльпанами взята.
Страданьем строк моих трепещет влажный луг,
Река тоской моей до края налита.
Печаль свечи, струись слезами мотылька,
Гори свечою, жизнь, — близка твоя черта.
Мне вечность не дана, мне гибель суждена,
О, разве благо — жизнь? Жизнь — плен и маята.
Боль каждого цветка мне, как своя, близка,
И без моей души — душа садов пуста.

Как колокольчик, я звоню, не уставая.
Но глух мой караван, нема пустыня злая.

II

Печален я в саду цветущем бытия.
Я радостью забыт, оплакан счастьем я.
Песнь стонет над моей израненной судьбой,
Слова кровоточат, страдание тая.
Я — грозный Искандер иль грязь его пути?
Я зеркало его — иль сор его жилья?
Но в бытии моем — всего земного суть,
Я тень, но солнца свет — и жизнь и цель моя.
Я скрытый клад. Я сплю в пустыне под песком.
Кто след откроет мой, рука откроет чья?
Я — государство. Я владыка сам себе,
Не властна надо мной иных держав семья.
Я в кабаке времен — не кравчий, не вино,
Но все во мне: и хмель, и звонких чаш края.

Я тайну двух миров в душе моей читаю,
И все, что видно мне, я всем провозглашаю.

III

Божественная власть слов дивных мне дана.
Птиц рая вторить мне заставила она.
И зеркалом моей бунтующей души
Грядущая судьба земли отражена.
Как поучительна картина мук твоих,
О Индия моя, скорбящая страна!
С рыданием твоим сливается мой стон,
Мне вечностью самой песнь гнева вручена.
О чужеземец, рви цветы в моем саду,
Коль в ссоре сторожкѣ и край во власти сна!

О соловьи садов,— беспечно спите вы,
А в рукаве небес гроза затаена..
Ленивец, отзовись на вопль призывный мой —
Он песней сада стал, округа им полна.
Подумай, вертопрах, о страждущей земле —
Ужасен сговор туч, зловеща тишина.
Следи событий бег, днем нынешним живи —
Довольно жить былым — опасна старина.
И не молчи — кричи! Безумствуй и стенай —
Пусть будет небесам земная скорбь слышна!
Индийцы, полно спать, — иль вас земля стряхнет,
И будущие вас не вспомнят племена.

Кто беспробудно спит — того природа губит.
Кто действием кипит — того, как сына, любит.

IV

Зиянье ран моих сейчас я обнажу,
Несчастный этот мир я в сад преобразу,
Как свечи, все сердца зажгу огнем любви
И черной ночи мрак сияньем поражу.
Землею стану я и разольюсь дождем,
И новые цветы дыханьем разбужу.
Нить порвалась вдруг, и четки разом — врозь,
Но я их соберу и снова нанижу.
Великий смысл любви открою людям я,
И распрей вековых я затопчу межу.
Я стану зеркалом тебе, моя страна,
Вселенной и тебе всю правду покажу!

Кто смотрит — тот всегда свет в темени увидит
И на песке пустынь след времени увидит.

V

О Индия моя! Жила в низине ты,
Не ведала вовек восторга высоты,
Не знала никогда забот иных племен,
Не знала роста их и скрытой красоты.
Как обольщалась ты кокетством пришлецов!
Не глядя в зеркало, жила среди темноты.
Ленивый, пробудись и в зеркало взглядишь,
Узнаешь в нем свои высокие черты.
Ты, как сипанд в огне, готов стенать от мук,
Но стон свой подавил ты петлей немоты.
Ты правды зеркало покрыл фальшивой хной
И в расприх позабыл о блеске чистоты.
Коран перечеркнув кощунственным крестом,
К спасенью своему ты слепо жжешь мосты.
Единобожие ты восхваляешь, лстя,
Но служишь торжеству безбожной суеты.
Юсуфа смог бы ты в колодце заключить?
Не пречь же божество в тюрьму своей мечты.

Нет спору — простаков пленяет словоблудье,
Но жаждут истины, а не побасок люди.

VI

Мир огненной красы глазам людским яви,
Красы, что в мотылька вселила дрожь любви.
Но, скряга, ты — не цель всемудрого творца —
Созданием его себя ты не зови.

Джамшида чашу ты поднес к слепым глазам —
И не узрел себя в бездонном бытии.
Сектантство — древо зла, а предрассудок — плод,
Адам из-за него дни погубил свои.
Не солнце тянет ввысь покорную росу —
Роса летит к нему в блаженном забытьи.
Не ожидай зари — сам загорись звездой
И небо темнотой своею не гневи.
Кто страстью подожден — тому не нужен врач,
Любовь — сама бальзам для страждущей крови.

От искорки любви душа горит, сияя.
Из семечка растет обильный сад Синая.

VII

Все хвори исцелит желаний острый меч.
Пусть рана жжет тебя — должно живое жечь!
Свободен я в любви, парю я над землей,
Ничем я не хочу отныне пренебречь.
Отринул я свой цвет — лишь запахом я стал,
И всем слышна моя восторженная речь.
Но я скорблю, как встарь, над родиной моей,
Душа готова вновь в слезах тоски истечь.
Зачем лепить гнездо на розовом кусте?
Жить на лугу зачем, коль чести не сбережь?
На «я» и «ты» делить людей — как жить в плену!
Любовь — свободы суть, и ты ей не перечь.
Нельзя, живя с людьми, отречься от людей,
Не видеть взглядов их, не чувствовать их плеч.

Бодрит меня вино живительной любви,
Любовь, живое все навек очеловечь!

Пуškai в одной любви все нации роднятся,
Любовь — бальзам. Она целит недуги наций.

VIII

Любовь — и чуждый край, любовь — и отчий дом,
Легко ей клеткой стать — но легче быть гнездом.
Она и проводник в неведомой глуши,
Она и душегуб с отточенным мечом.
Известно, что любовь — безумная болезнь,
Но иногда любовь бальзамом мы зовем.
Горящие сердца дарят нам жаркий свет,
Любовью к ближним ход людских судеб влеком.
Любовь — как мотылек, что вспыхивает вдруг
И озаряет все трепещущим огнем.
Любовь — душа Ширин, любовь — Фархада кровь,
Любовь — гора Бистун, любовь — во всем земном!
Народы губит рознь обычаев и вер.
Пора вспомнить нам о крае дорогом...

Я мог бы продолжать, вещая и пророча,
Но дум печальных нить не станет ведь короче...

ЛУНЕ

От меня до тебя не дойти по дорогам земным,
Но морские приливы спешат за движеньем твоим.
Для чего и откуда явилась ты в небо, луна?
Не от мыслей ли скорбных легла на лицо желтизна?
Ты приходишь из света, а я возвращаюсь во тьму,
Но страданья твои только я в этом мире пойму.
Жаждой знать и увидеть сгораю я ночью и днем.
Ты по милости солнца горишь в небосводе ночном.
Все по той же орбите ты кружишь века над землей,
И безжалостным циркулем путь мой начертан земной.
Ты тоскуешь в пути, я в пути ожидаю чудес.
Ты — слеза бытия, я — пылающий факел небес.
Мы с тобой постоянно торопимся к цели скорей,
И безмолвие в сердце моем, как в пустыне твоей.
Я далеким мирам, как и ты, посылаю привет:
Я любовь излучаю, а ты — утешительный свет.
Есть друзья у меня — мой святой уголок на земле,
Но как ты в своем царстве одна, так и я одинок на земле.
Первый солнечный луч — похоронная песня твоя,
Блеск извечной красы — смертный грех моего бытия.

О луна, мы похожи и так непохожи с тобой,—
Каждый с болью своей, со своею особой судьбой:
Ты приходишь из света, а я возвращаюсь во тьму,
Но стремление к знанью присуще лишь мне одному;

Мне понятно, зачем в свой черед я пройду по земле,—
Нет такого венца на твоём лучезарном челе.

ГИМН ИНДИИ

На свете всех прекрасней ты, индийский край, родимый наш!
Для Индии мы соловьи, она же — сад любимый наш.
Коль на чужбину попадем — оставим в Индии сердца:
Мы там, где слышен стук сердец ничем не заглушимый наш.
Всех выше кряжи наших гор, они — соседи небесам,
И каждый пик — наш часовой и страж неодолимый наш.
По лону Индии родной бегут десятки тысяч рек,
И рай завидует тебе, о край неповторимый наш.
Эй, воды Ганга! Можно ль вам запомнить давний день,
Когда на ваши берега шел караван гонимый наш?
Да, все мы — Индии сыны, мы рождены одной землей,
Нас учит осуждать вражду закон от века чтимый наш.
Египет, Греция и Рим — навек померкла слава их,
Но в мире вечен след один — то след неистребимый наш.
И верно, скрыт глубокий смысл в том, что донныне мы живем,
Хотя нас мучил ход веков — он враг неумолимый наш.

Икбал! Безвестны в мире мы! Где наш наперсник, где наш
друг,
Способный до конца постичь весь груз скорбей таимый наш?

С В Е Т Л Я Ч О К

Что там светит? Огонь светлячка на траве луговой
Или пламя свечи средь цветов под полною росой?
Прилетела с небес в наши доли земные звезда
Или солнечный луч воскрешен, и во мраке живой?
Или в царство ночное посланец полудня пришел,
Засверкавший в ночи и незримый в природе дневной?
Это блеск упала на землю с кафтана луны
Или солнечной ризы клочок, не погашенный мглой?
Это блеск потаенный божественной древней красы,
Принесенный природою миру порою ночной.
В этой малой луне сочетаются сумрак и свет —
То возникнет она из-за туч, то покроется тьмой.
Мотылек, светлячок ли — в их сути различия нет:
Первый света взыскует, второй же несет в себе свет.

Как природа щедра! Красота — дар нескудной руки:
Мотыльки изнывают и светят во тьме светлячки,
Звонкий голос певца подарила пернатым она
И безмолвие — розе, но с ним — языки-лепестки.
Прелесть бренности пери заката взяла у нее
И прелесть вдвойне тем, что миги ее коротки.

Алым цветом одела природа невесту-зарю —
Пусть любитесь в зеркало рос на румянец щеки;
Тень вручила деревьям, и ветру — стремительный лет,
И течение — водам, и волны — потокам реки.

Многолика и все же едина везде красота:

То, что день светлячку, то для наших очей — темнота.

Отблеск вечной красы нам в явленье любом отражен:

Речью горд человек и цветением — пышный бутон.

Словно сердце поэта, сияет луна в небесах,

И что свет для луны, то поэту — души его стон.

Меж явленьями ставят нередко преграду слова —

А не то был бы песней цветка аромат наречен;

В многоличии кроется тайна единства вещей:

Иль напев соловья от огней светлячка отрешен?

Красота безглагольная всюду едина всегда,

Так зачем же рождается внешним различьем вражда?

Н О В Ы Й Х Р А М

Эй, брахман! По душам хочу поговорить с тобой вдвоем,
Взгляни на идолов своих — они ветшают с каждым днем.
Ты учишь с нами враждовать — врагами мусульман считать,
И нас учили враждовать — индуса называть врагом.
Не в силах этой лжи терпеть, я храм покинул и мечеть,
Теперь ни брахман, ни ваиз мне не нужны в пути моем.
Не пышных идолов твоих и не звучанье сур святых —
Любой комок родной земли считаю высшим божеством.

Приди, мой брат! Рукой любви завесу гордости порви,
Слепой вражды рубеж сотрем, чтоб вновь идти одним путем.
Смотри: разорены вконец селения людских сердец,
Давай же новый, светлый храм в отчизне нашей возведем.
И будет этот храм добра — как лучезарная гора,
Все храмы мира он затмит, купаясь в небе голубом.
Гимн величавый по утрам пусть оглашает этот храм,
Всех обращенных напоим любви живительным вином.
Да, есть и сила и покой в молитвах, льющихся рекой,
Но только в братстве и любви освобожденье мы найдем.

ТУЧА

Темная туча с востока мрачит небосклон,
В черное облик Сарбуна опять облачен.
Солнечный лик покрывалом угрюмым сокрыт,
Всадником ветер холодный на туче сидит.
Грома не слышно: одно лишь безмолвье и тьма.
Туча без грома странна, как без шума корчма.
Радости вечной посланье летит на луга:
Туча приносит в обилье для роз жемчуга.
Спящие в зное цветы пробудились, не спят,
Все, что в истомной дремоте забылись, не снят.
Рвет облака ветровая свирепая мощь.
Новая туча! Струится живительный дождь.
Манит прохожих деревьев зеленых намет,
Каждый под ними укрытье от ливня найдет.

ПТИЦА И СВЕТЛЯЧОК

Был вечер весенний. На пышное дерево сев,
Беспечная птица твердила свой звонкий напев.

Заметила вдруг: заблестел на земле огонек,
Спустилась и видит — ползет по траве светлячок.

Сказал светлячок: — О певунья! Коль хочешь — смотри.
Но жадный и хищный свой клюв на меня не востри.

Не тот ли, кто розе ее аромат даровал,
Тебе — твой напев, мне — мой светлый наряд даровал?

Пускай не пою, в голубых небесах не парю,
Средь маленьких тварей Синаем святым я горю.

Отрада для слуха — беспечное пенье твое,
Отрада для взора — живое горенье мое.

Твое назначение — в небе резвиться и петь,
Мое — на земле пресмыкаться, страдать и гореть.

Подарен природою голос пленительный твой,
Подарен природой и блеск удивительный мой.

Так разные формы сопутствуют разной судьбе:
Мне — боль и горенье, а радость и пенье — тебе.

Но горе и радость везде в равновесье найдешь,
Меня ты убьешь — и гармонию мира убьешь.

Ведь горе и радость, а значит, паденье и взлет,
Извечно в единый сливаются круговорот.

Меня умертвишь — и нарушишь гармонию ты,
Померкнет весна, и в саду потускнеют цветы.

РЕБЕНОК И СВЕЧА

О дитя удивленное! Как разгадать я хочу,
Почему ты так жадно часами глядишь на свечу!

У меня на коленях трепещешь ты, как мотылек,
Или хочешь обнять этот яркий, живой огонек?

Чем сердечко твое так взволновано, поражено?
Или вспомнилось вдруг то, что где-то ты видел давно?

Ах, смотри, как свеча перед всеми открыто горит,
Твой же светоч бессмертный под грубою плотью сокрыт.

И не знает никто, почему уже с давних времен
Свет души в этот глиняный тесный фонарь заточен.

Заслонила твой свет наших знаний земных пелена,
Но для ока всезрящего кажется пылью она,

Ибо то, что мы жизнью зовем,— это самообман,
Это — сон и забвение, это — пьянящий дурман.

О, просторы природы — безбрежный прибой красоты!
В каждой капле скрывается буря живой красоты,

И в зеркальной лазури, и в мрачном молчании гор,
И в бездонных ночах, раскрывающих звездный шатер,

И в сияющих полднях, и в рокоте яростных гроз,
И в улыбке зари, рассыпающей тысячи роз,

И в руинах, поющих о славе забытых веков,
И в ребенке, лепечущем первые несколько слов,

И в роскошных садах, где цветы благовония льют,
И в чириканье птах, что в лесу свои гнездышки вьют,

И в ручье среди скал, и в раздолье морском — красота,
И в толпе городской, и в безлюдье — во всем красота!..

В этом мире красот лишь душа беспокойством полна:
Как в песках колокольчик, звенит одиноко она,

Все о чем-то утраченном стонет и ночью и днем,
Словно рыбе на отмели, тяжело ей в мире земном.

НА БЕРЕГУ РАВИ

Над Рави в предзакатный час напев летит, звеня.
О том, что на душе моей,— не спрашивай меня.
В благоговенье вверг меня мелодий перелив,
Я смолк, преддверьем Каабы всю землю ощутив.
Хоть близко я к воде стою,
Но сам не знаю, где стою...

Темно-багровое вино Небесный Старец пьет,
Из Кубка-Солнца он плеснул с размаху в небосвод.
Дня караван к небытию спешит, не чуя ног,
И солнце выплело закат — на мавзолей венки,
На мавзолей, где погребен наездник Чагатай.
Рать минаретов, тишины величье умножай!
Тут все — рассказ о сонме бед, превратностей, препон,
Дееписание былых нерадостных времен,
Тут все — неслышимый напев...
Толпится немо строй дерев.

Взлетает челн то вверх, то вниз по быстрине речной,
Бесстрашно борется гребец с клокочущей волной.

Быстрее взгляда этот челн — а как в волнах он мал! —
Я оглянуться не успел — и он вдали пропал!
Так Челн Людского Бытия промчится без следа
И, в Море Вечности скользнув, исчезнет навсегда,
Но не сокроется в воде
И не затонет он нигде!

ГАЗЕЛИ

I

О друг, не взирай равнодушно на жизни цветущий сад,
Пускай на его красоты пытливей глаза глядят.

Но помни, что в брennom мире лишь искоркой ты блеснешь,—
Не облик его обманный должен пленять твой взгляд.

Хоть нет среди нас достойных любимого лицезреть,
Но пусть в ожиданье страстном надеждой сердца горят.

И если желанье встречи откроет тебе глаза,
Увидишь ты: все тропинки следы божества хранят.

II

Взгляни, о господь всеильный, как твой проповедник лжет,
Как рознь разжигает рьяно, как ловко мутит народ.

Уж лучше бы рассказал нам про тайнства бытия:
Как в мир человек явился, откуда он жизнь берет?

Быть может, из той же бездны, откуда приходит ночь,
Откуда восходит солнце, откуда звезда встает?

Увы, лишь друзья правдивы: от них мы и узнаем
О наших же злочюченьях, которым потерян счет.

А что проповеднику верить? Чтоб набожность показать,
Услышав призыв к молитве, он первый поклоны бьет.

СТИХИ 1905—1908 гг.

СУЩНОСТЬ КРАСОТЫ

Спросила как-то красота создателя вселенной:
«Зачем ты сотворил меня не вечною, а тленной?»
Ответил он: «Подобен мир картинной галерее,
В глухой ночи небытия жизнь мчится все быстрее.
Мир — только изменений ряд, пленительный, блестящий,
Красиво и желанно всем лишь то, что преходяще».
Услышав эту речь, луна смутилась, огорчилась
И с бледной утренней звездой известьем поделилась;
Заря поведала росе, что от звезды узнала,
И грустно всем земным друзьям от слов небесных стало.
Цветы, поговорив с росой, наполнились слезами,
Не захотели почки стать зелеными листками,
Покинула весна луга в красе первоначальной,
Веселой молодость пришла, ушла, увы, печальной.

П О С Л А Н И Е

Любя отчизну, познаешь и торжество горенья.
Как свет свеча — дели с людьми душевное прозренье!
Дар пронизательной любви ценней всего на свете,
Что перед щедростью ее и храмы и мечети!
Гори, чужую скорбь леча словами огневыми,
Плачь с плачущими, как свеча слезами восковыми.
Есть искра божества во всем, ищи единства мира,
Сурьмой пристрастий глаз не мажь, не создавай кумира!
Ища возвышенной любви, мерь сердце той же мерой:
На чванство гордостью ответь, на недоверье — верой.
Эй, виночерпий, ты вином заморским наполни чашу,
Да хмеля грусти мало в нем, неси-ка лучше наше!
Переменился белый свет, и мы — иными будем,
Но, ради бога, не давай вина иллюзий людям.

СТУДЕНТАМ АЛИГАРХСКОГО
КОЛЛЕДЖА

Шлют много посланий люди, мое посланье иное.
У любящего отчизну и слов звучанье иное.

Ты слышал бессильный ропот в силках трепещущей птицы,
Послушай вольную птицу — ее стenanье иное.

Сказали безмолвно горы: «Смысл жизни — покой извечный».
А жизнь муравья — движение, ведь он создание иное.

В Хиджазе влеченьем к Мекке возвышены мусульмане,
Людские пути различны, у всех познание иное.

Недвижность подобна смерти, и чаша ходит по кругу,
Иначе движутся люди — у них призвание иное.

Свеча, догорев, сказала: «Горение — радость жизни».
Людей к бессмертью приводит, сквозь боль, старание иное

Пока на горле кувшина оставьте кирпич традиций!
Когда вино перебродит — придет сознание иное.

УТРЕННЯЯ ЗВЕЗДА

Я слышал утренней звезды обиженные речи:
«Дано мне зренье, не дано мне времени, чтоб видеть.
Дыханьем солнца все живет, а я до света гасну,
Нет мне пристанища нигде, я на судьбу в обиде.

Жизнь утренней звезды, увы, проходит слишком быстро,

Я лишь пузырь на глади вод, мерцающая искра...»

Сказал я: «Полно, ты зевар на лбу зари прекрасной.

О быстротечности скорбишь? Сойди же с небосвода,

С росой вместе опустишь на ласковую землю.

В саду поэзии моем чудесная погода.

Садовник я, весна — любовь. Уйдет — вернется снова.

Мой сад — как вечность, так прочна, крепка его

основа».

КРАСОТА И ЛЮБОВЬ

Как луны серебряный челн
Тонет в буре солнечных волн,
Как от лунных лучей должна
Таять лотоса желтизна,
Как перед Синаем рука
Моисея, как вздох цветка
Перед пышностью цветника —
 Так и я пред любовью мал.

Деревцо ты, я — ветвь твоя,
Небо ты, я — дождя струя,
Слезы лью, зарю серебря.
Я скитаний ночь, ты — заря.
От распущенных кос твоих
Счастья хватит нам на двоих.
 Возле лучшей я лучшим стал.

В сад моей поэзии ты
Принесла весну красоты.

Засиял любви моей свет,
Словно в зеркале самоцвет.
К совершенству иду, любя.
Сад мой зелен из-за тебя.
 Караван мой обрел привал.

Б У Т О Н

Еле вспыхнет заря блеском розовых щек —
Рвет одежду бутон, превращаясь в цветок,
Пьет сиянье зари, как вино на пиру,
Будто он в кабачке, что открыт поутру.

Разорвав свою грудь, сердце он достает,

Перед солнцем кладет, словно сорванный плод.

Солнце жизни моей, ты — твердыня твердынь,

Но когда-нибудь все ж покрывало откинь!

Поселилась бы ты в сердце верном моем —

Отражалась бы век, словно в зеркале, в нем.

Будь твоя красота не бесцельной — моей,

Будь твоя доброта колыбельной моей —

Каждой частью души снова ожил бы я,

Пылкой мыслью проник в тайный смысл бытия.

Я б на солнце мое глянул издалека —

Стал бы тотчас бутон лепестками цветка.

Вот когда б я раскрыл сущность жизни земной,

Пред людьми обнажил чувства, скрытые мной!

ЛУНА И ЗВЕЗДЫ

Перед яркой зарей земною
Говорили звезды с луною:
«Ночь одна, после ночь другая..
Ах, устали мы плыть, мигая.
Все идем по дорогам ночи —
Не становится путь короче.
Беспокойство кругом такое,
Будто нет на свете покоя.
Утомились все от движенья:
Звезды, люди, леса, камня.
Ну когда же, на самом деле,
Мы дойдем до конечной цели?»

И луна ответила: «Полно,
Вы жнецы, вапа нива полночь.
Мир движеньем жив бесконечным,
Подчинитесь законам вечным.
Мчится времени конь бессонный,
Чует кнут, мечтой занесенный.

Нет привала на полдороге,
Смерть в покое, а не в тревоге.
Свет вперед идущему явлен,
Чуть замешкавшийся раздавлен.
 Ключ любви — источник движенья,
 Красота — пути завершенья».

НЕВЕРНЫЙ ВОЗЛЮБЛЕННЫЙ

I

Весь ты из противоречий состоишь. Икбал!
Ты и всех видней на людях, ты и одинок.
Сладкозвучием певучим щедро одарен,
Ты и сада украшение, и пустынь песок.
Высотой полета близок звездам и луне,
Сам же по земле шагаешь, от небес далек.
С наклонившимся кувшином схож поэт, когда
Льет из глубины души нам струи добрых строк.
Уживается безумье с мудростью в тебе,
Пахнущий садовой розой полевой цветок!
Как волна, не оставляешь на бегу следов
И о берег разбиваешь буйный свой поток.
Уязвлен бываешь часто женской красотой,
И не диво, что недолог увлечений срок.
Ветреником называют женщины тебя,
Редко ты ступаешь дважды на один порог.
Видно, ты на свет родился трепетным, как ртуть.
Если б трепет прекратился хоть когда-нибудь!

II

Горстка праха под одеждой — вот моя душа,
Горстку превратил в пустыню смерч любви земной.
Лишь один алмаз граненый в сердце я таю,
Но у камня сотни граней, цвет у всех иной.
Чувств и дум столпотворенье в сердце у меня,
Но никто и знать не знает, что сокрыто мной.
Пусть хоть каждый миг влекусь я к новой красоте —
Истинной не изменяю, предан лишь одной!
К временному равнодушью, вечного ищущу.
Наши увлечения — искры в темноте ночной.
Искры вспыхивают, гаснут... Ну, а я хочу
Блеска молнии, разящей, как клинок стальной;
Грежу я о совершенной, цельной красоте,
А частицы собираю, как цветы весной.
Красота так беспредельна, как тоска по ней,
Боль меня отгородила ото всех стеной.
Нет законов для высокой истинной любви:
Часто верность — бедность духа, дешева ценой.
Виночерпий предлагает мне глоток вина,
А душе желанна чаша — в море глубиной.
Брошен я в костер исканий, окружен огнем,
Быть судьей творца я вправе — он всему виной.
Я — картина, мой художник не по вкусу мне,
Я иным хотел бы видеть мира холст цветной.
Меж волной и человеком очевидна связь:
Разбиваются о берег, к берегу стремясь.

ЧЕЛОВЕК

Природа так несправедлива!..
От человека тайны скрыла,
А жажду их открыть внушила.
Растет желание познания,
Но непостижно мирозданье.
Начало знаний — удивленье,
Конец — его же повторенье.

Вот волн бегущих вереница.—
Река стремится в море влиться;
Куда-то гонит ветер тучи,
Несет их на плечах, летучий.
В тюрьме небес, в цепях неволи
Привыкли звезды к звездной доле.
Вот ранний богомолец-солнце
Велит проснуться дали сонной,
Укрывшись за горами где-то,
Пьет алое вино рассвета.
Все сущее собой довольно,
И в радости своей невольной
Природа разделить не может
Тоски, что человека гложет.

Б Л Е С К К Р А С О Т Ы

Мы жаждем красоты, рождающей волнение,
И молодости пыл, и высшие стремленья,—
Той, от которой мир становится бессмертным,
И краски яркими, и сердце милосердным.
Той, что мышлению научит человека
И уведет его от суетности века,
И покорится ей незрелый, скудный разум
И станет чувств рабом, послушен их наказам.
Скажи мне, о творец, всей правды не скрывая:
Есть в перстне времени жемчужина такая?

В Е Ч Е Р

(На берегу реки Неккар)

Безмолвен лунный свет, безмолвны
Деревья, и трава, и волны,
Не слышно птиц в долине сонной,
Безмолвен гор покров зеленый.
Природа в отрешенье кратком,
В забвении блаженно-сладком.
Как будто в тишине вечерней
Неккар остановил теченье,
И звездный караван усталый
Беззвучно тянется к привалу.
Безмолвны чащи, горы, воды:
Сосредоточенность природы...
Будь, сердце, на нее похоже,
Умолкни в тихой грусти тоже.

ОДИНОЧЕСТВО

Разве ночь одинока твоя?
Разве звезды тебе не друзья?
Видишь неба безмолвную высь,
Видишь спящую землю? Вглядись
В эти горы, селенья, поля,—
Словно розовый сад вся земля.
Звезды слез твоих тихо горят,
Как жемчужин мерцающих ряд.
Разомкни одиночества круг,
Видишь, сердце? Природа — твой друг.

СТИХИ 1909—1924 гг.

ЗВЕЗДА

Ты страшишься зари или света луны, о звезда?
Что известно тебе о кончине весны, о звезда?
Ты боишься, что ночи твои сочтены, о звезда?
Что лучи твои тоже погибнуть должны, о звезда?
Ты живешь на границе небесной страны, о звезда,
И жемчужины в кудри твои влетены, о звезда,
 Но душа твоя гаснет и смерти испуганно ждет,
 Но душа твоя искрой трепещет всю ночь напролет,
Но душе твоей страшен миров дерзновенный полет,
Там, где власть одного не считается с властью других,
Там, где с гибелью звезд завершается солнца восход,
Где, рождая цветок, на заре умирает бутон,
Где мгновенная смерть — это жизни стремительный взлет,
Где мгновенная жизнь — это смерти стремительный сон...
 В мастерской бытия есть один непреложный закон:
 Лишь река перемен постоянна в потоке времен.

ЛУНА

О Луна, украшая природу, сияние лей —
Оплываешь ты Землю с начала вселенских ночей.
Это, может быть, раны видны у тебя на груди,
Не глубокие ль раны любви безответной твоей?
На Земле я покоя не знаю, а ты — в небесах,
Оба ищем чего-то, и поиски все тяжелей.

Человек — мне светильник, ты в этом согласна со мной,
Мы, быть может, с тобой устремляемся к цели одной.

Ты в безмолвии звездном любимого ищешь — он скрыт...
Где? Быть может, где шумная жизнь беспокойно бурлит,
Он взнесен в кипарисе, он дремлет в душистой траве,
Он пост в соловье, он в набухшем бутоне молчит.
Я в речных зеркалах и в росинках тебе покажу —
Лишь последуй за мною — огонь его свежих ланит.

Воплощен твой любимый в долину, и в гору, и в дом,
Он в душе человека, он в ясном сиянье твоём.

НОЧЬ И ПОЭТ

Ночь

Зачем в моем лунном сиянье ты бродишь, волненьем объятый,
Безмолвный, как пышная роза, тревожный, как трав ароматы?
Быть может, ты стал ювелиром, жемчужные звезды чеканя?
А может быть, плаваешь рыбой в морях золотого сверканья?
Быть может, ты яркой звездой горел у меня на челе,
Но пал с лучезарного неба и бродишь по темной земле?
Замокли дневные напевы и звон оборвался струны.
В моих зеркалах отразились вселенной туманные сны.
И сходит на нет, замирает на дне моем водоворот.
Уснула волна безмятежно, не плещется и не поет.
В беспмятство всё погрузилось, как будто над целой землей
Простер неподвижные крылья холодный и вечный покой.
Лишь сердце поэта, как прежде, исполнено бурь и борьбы.
Но как ты сумел, непокорный, моей избежать ворожбы?

Поэт

Я сею жемчуга, о ночь, в твоём просторе, —
Не так же ли траву росой оплачут зори?
Я в суеде дневной стыжусь тоски моей,
Но жадно плачу я в безлюдии ночей.

Всю боль и скорбь мою кому бы я раскрыл.
Желаний огненных неутоленный пыл?
Синай с рыданиями припал ко мне на грудь, —
Никто не чтит его, не хочет и взглянуть...
Иль я над мертвыми во тьме свечой пылаю?
О ночь, несбыточна мечта моя святая.
Безумцы не берут добра, что им даю, —
Они, несчастные, торопят смерть свою.
Людьми непонятый, отвергнут, нелюбим —
Я всё поведаю созвездиям твоим.

Ч Е Л О В Е К У

Прекрасен или нет сегодня этот сад —
Нарцисс не чувствует, он ничему не рад.
Не зная прелести свободного движенья,
Деревья ничего не ждут и не хотят,
И вся вселенная бессильна и покорна.
И только человек сквозь тысячи преград,
Песчинка малая, стремится к правде вечной,
В песчинке, может быть, весь мир огромный сжат...
Взглянув на сад, ты все преобразуешь в нем,
Ты властен, человек, стать богом и творцом.

П О Э Т

Песни громко распевая, с гор бежит поток,
В кабачке весны он, видно, пропустил глоток.
Ты послушай, как поет он, пьяный и шальной:
«Всем, кто нежится в покое, дан природой срок!»
Посмотри, как он резвится, туч веселый сын,
Как игриво он ласкает каждый корешок.

Похищает пенный кубок в кабачке вершин

И поит поля в долине, туч веселый сын.

Если к истинному слову путь поэт найдет,

Нива дней зазеленеет от его щедрот.

Он восславит Ибрахима в трудный, горький час,

В час, когда на путь Азара встанет весь народ.

Только с песней, кровью сердца вписанной в века,

Светлая заря бессмертья над землей взойдет.

Если вдруг иссякнет в мире песенный ручей,

Листья из садов исчезнут и цветы — с полей.

РАЗГОВОР

Дикой птице заявила курица одна:
«Разве только ты на свет крылатой рождена?
Небо покоряешь ты, но я не отстаю, —
Разве в небо за тобой лететь я не вольна?
Я крылата, как и ты, свободна, как и ты,
Почему же ты всегда надменности полна?»
Дикой птице эта речь обидна и смешна,
Так спесивой курице ответила она:
«Ты крылата, как и я, свободна, как и я,
Только на пути твоём всегда стоит стена.
Что победа и отвага значат для тебя?
Ветру в небе я верна, а ты земле верна.
Ищешь зерна ты в земле и роешься в пыли,
Я же к звездам поднимаюсь в поисках зерна».

ДЕРЖИСЬ ЗА ДЕРЕВО
И ВЕРЬ В СВОЮ ВЕСНУ

Отломанная ветвь, покинув ствол родной,
Не будет зеленеть грядущею весной,
И осень для нее отныне станет вечной —
Ей не украсится плодами и листвою.
Индиец, и в твоём саду такая ж осень,
Во мгле безверия нет розы золотой
И птицы не поют — угрюмое молчанье
В саду оставленном, в тени его густой.
Скорее же пойми судьбу несчастной ветки
И книгу времени премудрую раскрой.
Держись за дерево, за ствол, всегда живой,
И верь в свою весну, в народ великий свой.

КАПИТАЛ И ТРУД

Рабочим передай посланье, наставленья —
В нем голос всех миров, времен и поколений.
Рабы обмануты лукавым богачом, —
Пельзя собрать плодов с сухих рогов оленей.
Для вас, создателей всех сказочных богатств —
Гроши ничтожные, подачки и лишенья.
Коварный чародей готовит вам гашиш,
Но разве сладостно такое опьяненье?
Всех одурманить вас хозяева хотят
Враждою рас и вер, обычаев и мнений.
И в жертву идолам себя вы принесли,
В бреду утратив то, что всех богатств бесценней.
Все нищий проиграл, а выиграл богач,
Вы все поставлены владыкой на колени.

О, если бы народ дремоту превозмог!

Ведь изменяются и Запад и Восток.

Стремящийся вперед отвергнет целый свет.
Росинки мелочей не прячь, как горсть монет.
Лишь в пробуждении народа радость сердца.
Ни Искандер не нужен нам и ни Джамшед,
Ведь солнце новое восходит в наше время.

О звездах не горюй, которых больше нет.
Оковы человек сегодня разрывает.
Из рая изгнанный, забудь, Адам, запрет!
Весна садовникам-целителям сказала,
Что розы исцелять лишь ей открыт секрет.
Букашка, не летай вокруг свечи чужой:
Сама ты светишься — твой свет всегда с тобой.

САТИРИЧЕСКИЕ СТИХИ

* * *

Всё из Японии: от шарфов и платков,
От мелочи любой — до зонтика и стула...
Что ж не закупим мы в Японии гробов?
А трупы обмывать — пусть ездят из Кабула.

* * *

«Кому нужна чадра?» — так шейх спросил одив,
И юношам над ним смеяться нет причины.
«Ведь закрываются чадрою от мужчин, —
Тот мудрый шейх сказал, — а где у нас мужчины?»

* * *

Комар мне поведал сквозь стон и сквозь плач
Печальную повесть своих неудач:
«Чтоб капелькой крови одной поживиться,
Я должен все силы, всю волю напрячь.
А как же крестьянскую кровь безвозмездно
До капельки выпил помещик, богач?»

* * *

Бездельник-фабрикант,— нечистые услады
Его изнежили, труда не знает он.
За каждый труд господь всем обещал награды,
Но за рабочего — хозяин награжден.

* * *

В народе говорят, что труженик — мудрец,
Живет он в хижине смиренно и убого...
А вот правительству построили дворец, —
Я не встречал еще роскошнее чертога.

РУБАИ

О, Кашмира земля, в мире нет ничего совершенней, —
Эта пряность ветров, эти заросли райских растений.
О, Кашмира земля, о, бушующий вихрь красоты —
Только здесь до конца божества раскрывается гений.

ИЗ КНИГИ

«ТАЙНЫ ЛИЧНОСТИ»

1915

Перевод с персидского

ПОВЕСТЬ ОБ АЛМАЗЕ И УГЛЕ

Я повестью тебя займу другою,
Еще одну дверь истины открою.

Спросил однажды уголь у алмаза:
«Чему ты славой светоча обязан?
Ведь мы собратья, наша суть едина,
И рядом мы лежим в земных глубинах.
Но в топках гибну я, дрожа от страха, —
Сияешь ты в короне падишаха.
Уродлив я, земли дешевле стою —
Разбито сердце зеркала тобою.
Огонь мой освещает лишь очаг,
Сгорев, я превращаюсь в легкий прах.
Глумиться может каждый надо мной,
Захочет — и сожжет меня любой.
Я знаю, что горька судьба моя,
Что жалок смысл такого бытия.
От искры малой я могу сгореть,
Повалит дым густой, наступит смерть.
А ты, алмаз, звезду напоминаешь,
Сиянье каждой гранью излучаешь.

То станешь светом глаз монарха властных,
То на кинжале вспыхнет луч твой ясный».

«Мудрец, — услышал он ответ алмаза, —
Я камнем драгоценным стал не сразу.
Когда-то оба были мы землей,
Боролся я — ты выбрал путь другой.
Я затвердел в борьбе и камнем стал,
Звездою яркой гордо засверкал, —
А ты остался, уголь, мягкотелым,
Таким, как прежде, жалким и несмелым.
Забудь свой страх, печаль, тревоги разом,
Будь тверд во всем — и станешь ты алмазом.
Кто стоек, горд и не боится бед,
Тот навсегда оставит в мире след.
Землей был Черный камень, горстью тленной —
Сегодня в Каабе он стал священным,
Горы Синайской выше вознесен,
К нему идут народы на поклон.

Запомни: славен тот, кто тверд и смел.
Ничтожность, тленность — слабого удел».

И з к н и г и

«ПОСЛАНИЕ ВОСТОКА»

1924 \

Перевод с персидского

РАЗМЫШЛЕНИЯ

ПЕРВЫЙ ВЕСЕННИЙ ЦВЕТОК

Наперсника не нахожу, в лугах я одинок,—
Едва проснувшейся весны единственный цветок.
Все жду и жду,— глядясь в ручей и видя лишь себя,—
Чтоб чье-то дивное лицо отобразил поток.
Пером, которым пишет жизнь, начертано теперь
И на моих листках, что к нам весна приходит в срок.
Еще вчерашним я живу, сегодняшнему рад,
Боготворю грядущий день — бессмертия залог.

Цветком я вышел из земли,— иначе я не мог,
Но по природе я — звезда, Плеяды — мой исток.

ПОКОРЕНИЕ ПРИРОДЫ

Появление Адама

Возвестила любовь, что влюбленный на свет появился.
Красота встрепенулась,— ценитель примет появился.
Взволновалась природа,— из жалкого праха земного
Себявидец, познавший вопрос и ответ, появился.
Долетело с небес до становища ночи извечной:
«Ужасайся,— срывающий с тайны запрет появился!»
Пробудилось желанье, что спало в объятиях жизни,—
В предрасветном весеннем саду первоцвет появился.
И промолвила жизнь: «Я томила под куполом древним,
Но в глухом небосводе лучистый просвет появился».

Сатана говорит творцу

Я не ангел-глупец, поклонюсь ли Адаму в раю!
Он из глины был создан — из пламени я состою.
Пожелал я — и кровь заструилась по жилам вселенной.
Я громами гремлю, я ветрами стенаю-пою.
Связь мельчайших частиц подчинил я могучим законам.

В тайной сути своей я страданье и счастье таю.
Я в расправшейся персти провижу сосуд совершенный.
Разбиваю, что создал, и новое вновь создаю.
Лишь по воле моей непрерывное движется время.
Средоточие страсти — я в бурях себя познаю.
Ты созвездья зажгет — и внушил им полет и круженье.
Ты открыл бытие — я горение дал бытию.
Душу вдунул ты в плоть, эту душу объял я тревогой.
Предстаешь ты покоем, смятением я предстаю.
Пусть презренные ангелы мне не хотят поклоняться.
Судный день ты предрек, но увидишь во мне судию.
Твой Адам — горстка праха, он жалок в неведенье
рабском.
Ты его сотворил, но исполнит он волю мою.

И с к у ш е н и е А д а м а

И радость и скорбь прекрасней, чем райский твой полусон.
Голубка соколом станет, из тенет вырываясь вон.
Подобен будь кинарису, не гнувшемся вовек.
Бессмысленно ты пред богом в молениях преклонен.
В струе источников райских — забвенье, небытие.
Лозы виноградной током ты будешь воспламенен.
Добро и зло лишь виденья, внушаемый богом страх.
Познанием, созиданьем ты станешь стократ силен.
Приди, я тебе открою пленительные края,
Тебя цветенье земное обступит со всех сторон.
Стань перлом, жалкая капля, из облака упади,
Возникни, как в море жемчуг, что на небе зарожден.
Будь вольным и самовластным, чтоб скрытая суть твоя
Вслепшую ослепила, клинком блеснув из ножен.

Взлети на крылах широких и кровь фазана пролей,
В гнезде погибает сокол, дремотою истомлен.

Влюбленный достигнет встречи, опасностей не страшась.
В горенье — тайна бессмертья, его единый закон.

Покидая рай, Адам говорит

Сладко мне печаль и радость слить в желаниях кипучих,
Разбудить биенье жизни и в пустынях и на кручах.
Отворяя дверцу клетки в этот сад благоуханный,
Звездам тайное доверить, побродить зарницей в тучах.
Видеть прелесть неприступной, постигать ее причуды,
Изнывать в томленьях тайных, не скрывать молений жгучих,
Созерцать в лугах весенних лишь единство многоцветья,
Отличая венчик розы от ее шипов колючих...

Я — бессонное горенье, я ищу в различьях связь,
Верой жертвую сомненью, к вечной истине стремясь.

Адам перед всевышним (Судный день)

Ты мне сознание дал, и в предназначенный срок
В мире незрячем свечу сердцем моим ты зажег.
Я совершал чудеса, русла потоков менял,
Я молоко из скалы молотом звонким извлек,
В сети Венеру поймал, стал властелином луны...
Зоркий мой разум царит в мире страстей и тревог.
Властвую недрами гор, числю движенье светил,
Знаю песчинок пути, солнечных вихрей поток...
Грех мой великий прости и отпусти мне вину!
Не поклонясь сатане, мир подчинить я не мог.

Я красоту покорил, поработен красотой,—
Каменный идо́л вздохнул, страстью ко мне занемог,
Я непокорство увлек нежным арканом мольбы,
Принял я тяжесть вериг — сладостной власти залог.
Разум природу постиг, тщетно скрывалась она,
Горстью земли покорен пламени сын — сатана.

ВЕСНА

Взгляни, как весеннее облако раскидывает шатер.
Над прозрачной водой озер
Зазвенел соловьиный хор,
Луговины и склоны гор
Пестроцветный покрыв ковер...
Насыщай красотой взор,—
Взгляни, как весеннее облако раскидывает шатер.

В сады и луга благодатные пришел цветов караван.
Разогнав на заре туман,
Веет ветер, простором пьян,
Коростель свистит средь полян,
Охмелевший цветет тюльпан,
Стопет сердце от свежих ран...
В сады и луга благодатные пришел цветов караван.

Все нежнее воркует горлица, распевает соловей.
Не скрывайся в келье своей,
Кандалы рассудка разбей,
В цветники выходи скорей,

И вино познания пей,
И венки душистые вей...

Все нежнее воркует горлица, распекает соловей.

И в долинах и в рощах радуйся цветущему бытию.
В счастливом зеленом краю
Прислушивайся к соловью,
Взгляни, как, склоняясь к ручью,
Любуясь на прелесть свою,
Нарциссы целуют струю...

И в долинах и в рощах радуйся цветущему бытию.

Гляди, как земля обновляется, как мир цветению рад!
Сверкает тюльпанов наряд,
И розы как пламя горят.
И словно густой звездопад
Средь ночи обрушился в сад,—
Как звезды, росинки блещут...

Гляди, как земля обновляется, как мир цветению рад!

Природа весной раскрывается в сокровеннейшем своем.
Мироздание познаем
Бытием и небытием,
И тем, что мы жизнью зовем,
И тем, что мы смертью сочтем,—
Достоверного нет ни в чем...

Природа весной раскрывается в сокровеннейшем своем.

МЫСЛИ ЗВЕЗД

Я слышал, как звезда звезде сказала:
«Плывем,— но где пределы океана?
Движенье — наша суть, скользим по кругу,
Но цели нет в круженье каравана.

И если звезды над землей все те же,
Кому на радость блеск их неизменный?
Счастливей тот, чьей жизни есть границы.
Земля — великодушнее вселенной.

Небытие — желаннее бессмертья.
Кто стерпит безысходной жизни бремя!
К чему лазурь небес, где, словно пленниц,
В петле аркана нас волочит время.

Тревожно человеку жить, нет спору,
Но он в самом себе нашел опору,
Он время оседлал и мчится в гору,
И лишь ему одежда жизни впору».

УТ Р Е Н Н И Й В Е Т Е Р О К

Я с дальних гор лечу, лечу с морей,
Не ведая себя, лечу скорей,
На гвезда сыплю серебро жасмина,
Чтоб грустной птице пелось веселей;
Тюльпан багряный трепетно ласкаю,
Чтоб слаще он дышал и цвел пышней,
Молитвенно целую чашу розы,
Чтобы росу не потревожить в ней,
И с голосом влюбленного поэта
Сливаюсь, чтоб напев звучал нежней.

НАЗИДАНИЕ СОКОЛА СОКОЛЕНКУ

Ты — сокол и по сути естества
Таишь под шелком перьев сердце льва.
Будь добрым, и решительным, и твердым,
Отважным, и стремительным, и гордым.
С фазаном или скворцом знакомство свести
Уместно, лишь когда захочешь есть.
В них, в бесполодных, гордости не стало,
Коль чистят клювы обо что попало.
Немало коршунов погибло тут
Через этих, что по зернышку клюют.
Один сарыч, усвоив их обычай,
Своей добычи сделался добычей.
Пусть мягкотелы рябчик и чирок,
А ты будь тверже, чем оленин рог.
Самим собою будь, самим собою —
И милосердным, и готовым к бою.
Покой и счастье — сладостный удел
Лишь тех, кто созидателен и смел.
Не зря орел сказал когда-то сыну,
Что каплю крови предпочтет рубину.
Держаться стадом — правило овец.

Живи один, как дед твой и отец.
Так повелось, коль говорить о предках,
Что соколы не вьют гнезда на ветках.
Сидеть в садах — для сокола позор.
Обитель наша — степь и гребни гор.
По зернышку кормиться нам невместно.
Нам дал создатель весь простор небесный.
Кто бродит по земле и крохи ест —
Подобен курам, чей приют — насест.
Гранит скалы ковром считает кречет, —
На скалах когти точит, раны лечит.
Подобен будь Симургу, что в былом
Рустама прикрывал своим крылом.
Когда бороться будешь с барсом нестрым,
Ему глазища вырви когтем острым,
Кровь белых кречетов в тебе течет,
И твой полет — не ангела ль полет!
Кружа недвижно по кривому небу,
Кормись лишь тем, что лучшим на потребу.
Не ешь из чьих-то рук, не тронь земли
И назиданью доброму внемли.

КНИЖНЫЙ ЧЕРВЬ

Я ночью услышал в библиотеке,
Что книжный червь поведал мотыльку:
«Абу-Али исследую страницы,
В строке Фариаби узоры тка,
И все же не узнал я смысла жизни
И счастлив не был на своем веку».
Ответил мотылек полуспаленный:
«Не скажут книги — как избыть тоску.

Чтоб истину постичь — в огне живи.
Суть бытия лишь в трепете любви».

С В Е Т Л Я Ч О К

Жучок неприметный достиг средоточия сил,—

Он стал мотыльком, он средь ночи, пылая, парил

И тьму озарил.

От солнца отбившийся луч, он скрутился в моток.

Столь ярко сиял он, что видел в сплетеньях дорог —

Где цель, где исток.

К свече он летел, чтоб возникнуть в дыханье ином.

Он кинулся в пламя, слился с трепетавшим огнем

В пыланье одном.

Не звездочка ль это, что блеском поспорит с луной,

Спускается, чтоб любоваться в прохладе ночной

Красою земной?

Иль это луна, что сумела себя обрести,

И счастлива свет незаемный в просторах нести

На вольном пути?

Твой блеск, светлячок, лишь тобою самим порожден.

Закон твой — мелькнуть и пропасть, как виденье, как

сон,—

Извечный закон.

Ты в мраке дремучем — светильник полуночных птиц.

Твой путь, что стремительней молний, светлее зарниц,—

Не знает границ.

Нас та же земля родила, что тебя, светляка.
Не видим иль видим,— нас мучают страх и тоска,
А цель — далека.
Неложно скажу: в сожалениях истины нет.
Все дальше иди и храни до скончания лет
Горенье и свет.

ПЕСНЯ КАРАВАНИЩИКА

Дивный нар, мое любованье,
Ты прелестней татарской лани,
Ты — динаров моих сиянье,
Драгоценное достоянье,
Сокровенное упованье,

Торопись,— наша цель близка.

Ты чудесен в вихре порыва.
На тебя глядят, как на диво,
Гурии толпою пугливой
И Лейли в тревоге ревнивой.
Сын пустыни, нар терпеливый,

Торопись,— наша цель близка.

В час полдневный — душный и жгучий —
Мчишься ты сквозь морок зыбучий,
То мелькнешь луной из-за тучи,
То сверкнешь звездой летучей.
О бессонный мой, мой могучий,

Торопись,— наша цель близка.

Как беспарусные пироги,
Ты почти летишь, легконогий.
Словно Хизр, ты знаешь дороги.

В трудный миг не просишь подмоги.
Луч моей любви и тревоги,
Торопись,— наша цель близка.

Поступью широкой, свободной
Ты спешишь в пустыне безводной,
Жаждающий идешь и голодный.
Лишь в часы стоянки бесплодной
Устаешь ты, нар благородный...

Торопись,— наша цель близка.
Из Йемена, словно комета,
В Карн явился ты до рассвета.
Ты родился в пустыне этой,—
Для тебя песок перегретый
Мягче лепестков первоцвета...

Торопись,— наша цель близка.
От скитаний луна устала,
За крутым холмом задремала.
Рдеет утро зарею алой.
Стая вихрей, мчась как пошало,
Темной ночи рвет покрывало...

Торопись,— наша цель близка.
Пусть звенит на заре туманной
Каждый звук моего дастана
Колокольчиком каравана!
Мы окончим путь раным-рано,
Принадем к земле долгожданной...

Торопись,— наша цель близка.

КАПЛЯ ВОДЫ

Я не грешу, влагая смысл иной
В слова, что были сказаны не мной:
 «Упала в море капля дождевая
 И прощентала, страха не скрывая:
 — В бескрайном сохранится ли мой след?
 Где море, там меня, наверно, нет!»

Но из глубин донесся голос к ней:
«Не устыжайся малости своей,—
Ты видела свершенья дня и ночи,
Лугам, горам, степям глядела в очи,
На листьях иль у тучи на плечах
Переливалась в солнечных лучах,
Была спасеньем страждущих в пустыне,
Растерзанных бутонов благостыней,
Струилась в жилах виноградных лоз,
Дремля в земле, поила стебли роз..
Мной рождена, со мною разминулась,
Но вновь из облаков ко мне вернулась.
В огромности моей уединись.
Сверкая, в зеркало мое глядись.
Жемчужиной живи в объятьях моря,
Живи, светясь,— как месяц, звезды, зори».

РАЗГОВОР ТВОРЦА
С ЧЕЛОВЕКОМ

Творец

Я создал мир из персти и воды.
Ты создал персов, негров и татар.
В земле я создал тайники руды.
Ты создал меч, чтоб наносить удар,
Топор, чтобы деревьям падать ниц,
И клетку создал ты для певчих птиц.

Человек

Ты создал ночь, но я огонь достал.
Ты создал глину, я слепил фиал.
Пустыню создал ты и глыбы скал,
Я создал сад, чтоб мир благоухал.
Я тот, кто превратил в стекло песок
И смертоносный яд — в сладчайший сок.

К Р А В Ч Е М У

В садах Кашмира — дивная весна.
Долина розами разубрана,
Тысячецветна, как перо павлина,
И водометами окроплена.
Повсюду рдеют яркие тюльпаны,
Трава свежа, душиста, зелена.
Над чистым родником бутон склонился,—
Его краса в струе отражена.
Душа проснулась, вспыхнули желанья,
Из роци песня звонкая слышна,—
Там вторит соловьиному напеву
Ручьев нетерпеливая волна.
Весною на земле творцом небесным
Воссоздан рай, и, смертному верна,
Земля его не мучит ожиданьем,—
Вся прелесть рая здесь воплощена.
Чего я жажду, если мне не надо
Ни музыки, ни песен, ни вина?..
О кравчий, луноликий, умоляю,—
Пусть вспомнится кашмирцам старина!
Составь напиток из огня и света —

Налей кашмирцам чаши доплна,
Тюльпан могучий вызови из почвы,
Сними с народа чары злого сна,
Услышь, как от Кашгара до Кашана
В неволе стонут наши племена.
Коль окропить шипы слезой народной —
Колючку в розу превратит она.
Кашмирцы подневольные с надгробий
Священные стирают письма,на,
Кумиров из надгробий высекают,
Былые забывают времена,
Самих себя чуждаются, стыдятся,
В них рабская униженность видна.
Поработителям — и шелк и бархат,
А им — лохмотья ветхого рядна.
Глаза их тусклы, сердце безучастно,
Душа их солнцем не озарена...

Вином священным на кашмирца брызни,
Чтоб в нем затрепетала искра жизни!

СОКОЛ И РЫБА

Слушает сокол, плавно кружащий, юркую рыбку:
«Видишь, как волны мчатся чредою? Это есть море.
Чудища бродят, громы гнездятся в недрах глубоких.
Волны пророчат грозные беды, горькое горе.
Все, что сверкает, волны смывают, в недра уносят.
Светятся перлы в створках жемчужниц, в плотном затворе
Негде тут скрыться — море повсюду, сверху и снизу.
Звучно сливаясь, катятся волны в яростном хоре.
Юное вечно, полное страсти, море клоочет,—
Не убывает, не прибывает, с временем споря...»
От восхищенья юркая рыбка затрепетала.
Сокол взметнулся, с нетерпеливым блеском во взоре,
Крикнув: «Я — сокол, мне безразлично все, что не в небе,—
Будь то пустыня, зыбь ли морская в пенном уборе.
Если б могла ты воду покинуть, в воздух подняться,
Ты обрела бы зоркие очи в вольном просторе».

ОДИНОЧЕСТВО

Я к морю пришел и сказал неумной волне:
«Ты вечно в смятенье, какое томят тебя горе?
Жемчужною пеною искришься ты, но в груди
Таишь ли жемчужину сердца, питомица моря?»

Дрожащая, скрылась волна, ничего не сказав.
Пришел я к скале и спросил: «Почему ты молчишь,
Внимая рыданьям несчастных, страдальческим стопам?
О, если есть капелька крови в рубинах твоих,
Послушай меня, побеседуй со мной, с угнетенным!»

Вздохнула угрюмо скала, ничего не сказав.
Бродя одиноко, я ночью спросил у луны:
«Открой мне, в чем тайная суть векового скитанья?
В твоём серебре этот мир — как жасминовый сад,—
Не сердце ль пылает твое, излучая сиянье?»

Вздохнула печально луна, ничего не сказав.
Тогда я предстал пред творцом, и сказал я творцу:
«Не вижу я в мире наперсника, единове́рца,
Твой мир безупречен, но песня ему не нужна,
Твой мир бессердечен, а я — раскаленное сердце!»
Он чуть улыбнулся в ответ, ничего не сказав.

ЖИВИ В ОПАСНОСТИ

Пожаловалась лань своей подруге:
«Охотники, силки — куда ни глянь.
В святилище укроюсь,— эти степи
И день и ночь подстерегают лань.

От бедствий удалиться я хочу,

От страха исцелиться я хочу».

На это отвечает лань другая:

«Коль хочешь жить — в опасности живи.

Ты волю отточь, как меч булатный,

И никого на помощь не зови:

Не бойся страха, не таись в глуши,—

Постигни силу сердца и души».

ГУРИЯ И ПОЭТ

*(В ответ на одноименное
стихотворение Гете)*

Г у р и я

Не смотришь на меня, не пьешь вина...
Как странно, что любовь тебе странна,—
Твоя строка полна печалью страстной
И радостью надежд окрылена.
Ты мир созвучий создал столь прекрасный,
Что рай в моих очах — лишь призрак сна...

П о э т

Волшебна речь твоя, тюльпан в цвету!
Но я уколы розы предпочту.
Как ветерок в саду — тревожно сердце
И существует только на лету.
Когда мою красавицу я вижу,
Душа зовет иную красоту.
Найдя звезду, ищу дорогу к солнцу

И не приму покоя тяготу,
Хмелея, отстраняю чашу страсти,
И новый стих уже влечет мечту.
Ищу предел, не знающий предела,
Хочу увидеть свет сквозь темноту.
В раю погибну я, неутоленный,
Я состраданья там не обрету.

ВОЛНА И БЕРЕГ

*(В ответ на стихотворение
Гейне «Вопросы»)*

Недвижный берег произнес: «Хотя немало лет живу я,
Но кто я, что я,— не пойму и сам себя не назову я».
Порывом опьянясь, волна самозабвенно восклицала:
«Я существую на бегу, не на бегу — не существую».

КАШМИР

Не торопись, побудь в Кашмире,— расцвет весны увидишь ты.
Взгляни, как в изумрудной шири пылают пестрые цветы.
Здесь ласково струится ветер, сбегаящий с окрестных гор.
В садах — дыхание граната и птиц веселые четы.
Лицо земли от взоров неба сокрыто под чадрую роз,
Чтоб время проносилось мимо, не замечая красоты.
Еще один тюльпан пробился, подземным пламенем гоним,
Еще одна волна мелькнула, гонима тайной быстроты.
Ударь по звонким струнам саза, встречай весенний караван,
Взгляни на девушку Кашмира,— как хороши ее черты!
На свете не найти нежнее тюльпанных щек, жасминных плеч...
Твоя душа сравнится ль с нею безоблачностью чистоты!

ЕВРОПЕЙСКИЕ ЗАРИСОВКИ

П Е Т Е Ф И ¹

О розе ты недолго цел весной,
Скорь пробудив, унес ее с собой.
Ладонь тюльпана кровь твою хранит,
Свободы пламень ты зажег святой.
Рожденный плотью высшею, певец,
Ты не в земле, ты в созданном тобой.

¹ Венгерский поэт, погибший молодым на поле битвы, защищая родину; тело его не было найдено, и место его гибели не отмечено памятником. (*Прим. М. Икбала.*)

РАЗГОВОР ФРАНЦУЗСКОГО МЫСЛИТЕЛЯ
ОГЮСТА КОНТА С РАБОЧИМ

Конт

Все люди связаны между собою,
Как ветви дерева с его листвою.
Давно в природе так заведено:
Мозг — мыслит, а ногам ходить дано.
Один — царит, другой — служить обязан.
Махмуду — власть, работа — для Аяза.
И видишь сам, что это не напрасно,—
Ведь жизнь вокруг воистину прекрасна.

Рабочий

Зачем, мыслитель, доказать мне хочешь,
Что вечно должен жить в нужде рабочий,
На медь, мудрец, наводишь позолоту?
Зачем мне на других всю жизнь работать?
Ведь это я,— или тобой забыто? —
Ручей молочный высек из гранита.

Скажи, мыслитель, по какому праву
Парвизу отдаешь Фархада славу
И выдаешь за истинное ложь?
Но Хизра ты, мудрец, не проведешь.
Владыки — бремя на плечах земли,
Прожить без нас они бы не могли.
Лишь спать они умеют, есть да пить,
За счет рабочих рук привыкли жить.
Считаешь справедливым преступленье!
С таким умом — введен ты в заблужденье!

ДОЛЯ ХОЗЯИНА И РАБОЧЕГО

Сталеплавилен грохот — мне,
Тебе органы в храме песнь поют.
В садах плоды земные — мне,
Тебе плоды, что зреют лишь в раю.
Вино — напиток горький — мне,
Тебе — какой Адам и Ева пьют.
Гусь, рябчик, перешелка — мне,
Тебе на стол анка пусть подают.
Земли поля и недра — мне,
В твое владенье небо отдаю.

ГОЛОС РАБОЧЕГО

Тебя в шелка я одевал, амир,
Но сам всегда был голоден и бос.
В твоём кольце рубином кровь моя,
Твой жемчуг — капли горьких детских слез.
Ты, как паук,пил кровь мою века,—
Я на своих плечах державу нес.

Пустьрь от слез моих цветет, как сад.

Где пала кровь, тюльпаны там горят.

Услышьте, люди, новых песен зов,
Узнайте, люди, силу мудрых слов.
Мир перестроим, пусть исчезнет зло,
Низвергнем мрак, чтоб было всем светло;
Амирам — смерть, их время истекло,
Заложим сад, чтоб все вокруг цвело.

Мы мотыльками кружим над огнем,
Не зная сил и прав своих, живем!

И з к н и г и

«КРЫЛЬЯ ГАВРИИЛА»

1 9 3 5

Перевод с урду

Дай юным жажду глаз моих, стремлений к солнцу страсть,
Дай соколятам крыльев мощь — чтоб наземь не упасть.
И всех на свете одари моих прозрений светом —
Очам и душам дай, господь, всеведения власть!

МОТЫЛЕК И СВЕТЛЯЧОК

Мотылек

Люблю я лампы свет. Мне светлячок смешон:
Своим невзрачным светом гордится, жалкий, он!

Светлячок

Хвала тебе, творец, что я не мотылек:
Я не нуждаюсь в лампе — я сам себя зажег.

Д Ж А В И Д У

В человеческой личности — вечности след.
И в светильнике нации — сердца чистого свет.
Если целью высокою человек покорен —
Человеку дарованы тьмы свобод и побед.
Портят низкие вороны вольнокрылых орлят —
Нет пареня бывалого, взлета смелого нет.
Очи тусклые времени стыд не колет давно...
Не пятнай свою молодость, береги ее цвет!
За стеной монастырскою не хирел твой отец,
Сохранил и поныне он свежесть утренних лет.

АНГЕЛЫ ПРОВОЖАЮТ АДАМА
ИЗ РАЯ

Тебе дарованы бессонные мечты,
Из плоти ты — или из ртути ты?
Мы слышали, что создан ты из глины,
Но помыслы твои, как твердь, чисты.
В твоей душе и солнечность и лунность,
Не ведаешь своей ты красоты.
Ты даже ночью, в забыты, прекрасен,
А бдящий ты — подобие звезды.
На зов твой откликается природа —
Ты плод ее любви и доброты.

ДУХ ЗЕМЛИ ВСТРЕЧАЕТ АДАМА

Встает светило на востоке — скорей глаза свои открой!
Настали радостные сроки — любуйся твердью и землей!
Блеск, озаривший все живое, — лишь отблеск славы неземной.
Познай разлуки пыл жестокий — ведь пренебрег господь тобой.
Смотри, как ужас бьется с верой, — кровав и дремен этот бой!!
Над тучами, над облаками и над ветрами властен ты.
Тебе принадлежат отныне моря и горные хребты.
Вчера, на ангелов взирая, блаженно восторгался ты,
Их несравненным совершенством влюбленно любовался ты.
В зеркало дня глядись отныне, пленись своею красотой!
Склонившись, покорится время велению твоих очей,
И, на земле тебя увидев, заблещут звезды горячей,
Безбрежно ропщущее море мечты дерзающей твоей,
А искры дум твоих и вздохов достигнут горних рубежей.
Расти свою земную душу! Влияй на мир своей душой!
В твоем светильнике лучится всемирного светила свет.
Твоим искусством животворным грядущий, новый мир согрет.
В раю не оценил ты рая, нарушил древний свой обет.
Твой рай — в душе твоей могучей и в торжестве ее побед!
Земля крепка твоей заботой, работой вечною людской.
Всегда в твоей певучей лютне грустит заветная струна.

Всегда твоя мечта крылата и кровь любовью пленена.

Ты мученик и победитель, и древность ты — и новизна.

Жрец тайн, грядущего угадчик, идешь сквозь тьму и пламена.

Смотри же,— судьбы всей вселенной оседланы твоей судьбой!

ПОСЛАНИЕ ЗВЕЗДЫ

Не страшен мне крошечный мрак пустыни,
Я — чистота, я — света торжество.
О странник ночи, не пугайся мрака,
Влюбленным сердцем победы его!

ДЖАВИДУ

*(При получении в Лондоне первого письма,
написанного его рукой)*

Найди свое место в державе любви
И ночи и утра свои obnovи.
Коль бог наградит тебя сердцем разумным —
Ты речи тюльпана и розы лови.
Товар европейских стекольщиков хрупок —
Из глины индийской сосуд сотвори.
Газель моя — гроздь виноградин. Их соком
Пусть ало окрасятся губы твои.
Иду я свободной тропою аскета —
Ты в бедствиях тоже душой не криви.

В О П Р О С

Творца спросил прямодушный бедняк:
«Терплю я безропотно бедности ад.
Но как твои ангелы, мудрый господь,
Ничтожным и низким богатства дарят?»

КРЕСТЬЯНИНУ ИЗ ПЕНДЖАБА

В чем цель незадачливой жизни твоей?
В земле копошишься ты, как муравей,
И, светлую душу в потемки зарыв,
Не слышишь горящего утра призыв.
От века прикованы люди к земле,
Но нет животворной воды в этой мгле.
Кто личность в борениях не закалял —
Не истинный лал, а подделанный лал.
Окован заветами, жил ты впотьмах.
Разбей своих идолов древних во прах!
Обман, разделяющий братьев, развей,
Единство — ворота к победе твоей!
Ты жаркое сердце посей, как зерно, —
И щедрые всходы подарит оно.

К Р О В Ъ

Если в жилах кровь струится — нет боязни и в помине,
Сердце к подвигу стремится, отступает прочь унынье.
Кровь — сокровищ всех дороже. Кто владеет кладом этим —
Нищеты не убоится, не сочтет серебро — святыней.

П О Л Е Т

Молвило дерево птице пустынь:
«Мир наш — обитель обиды и слез.
Если бы крылья творец даровал мне —
Землю украсили б россыши роз!»
Мудро ответила птица пустынь:
«Сбрось это бремя заносчивых грез!
Разве узнает блаженство полета
Тот, кто к земле безраздельно прирос?»

МУРАВЕЙ И ОРЕЛ

Муравей

Несправедливо: хил я и бескрыл.
Ты ж — выше звезд небесных воспарил!

Орел

Ты ищешь пищу в мусоре дорог,
Я ж и девятым небом пренебрег.

И з к н и г и

«ПОСОХ МОИСЕЯ»
ИЛИ
«ВОЙНА НАСТОЯЩЕМУ»

1936

Перевод с урду

ПРОСВЕЩЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ

ОТКРОВЕНИЕ

Той нации, где человек надежен, словно сталь,
Той нации не нужен меч и ни к чему война.
Мы не дивимся блеску звезд, сиянию луны.
Они — рабы, и только нам свобода суждена.
В неутомимом беге волн — вопрос, но не ответ,
И лишь жемчужина хранит от мира тайну дна.
Пока ты молод и силен, не бойся высоты:
Орлу, парящему в горах, усталость не страшна.

ЗАВЕЩАНИЕ ТИЦУ-СУЛТАНА

Когда идешь тропой любви,— гордыню отвергай;
Глоток отравленной воды в пустыне отвергай.
Ты можешь морем стать, ручей, отвергнув берега,
Но помощи студеных рек в пути не отвергай.
Бродя по капищам чужим, ты будь самим собой
И чуждые душе твоей святыни отвергай.
В день сотворенья Джебраил раз навсегда сказал:
«Рассудку верные сердца нещадно отвергай».
У лжи — десятки разных лиц, но истина одна,
Пусть все вокруг клеймят ее, а ты — не отвергай!

П Р О Б У Ж Д Е Н И Е

Если раб осознает в себе человека —
Станет мыслью острее топора дровосека,
И глазам его дерзким откроется мир
От прошедших веков до грядущего века.
Но попробуй — себя с пробужденным сравни-ка:
Ты — лишь согнутый раб, он — всеильный владыка;
Ты еще и тропы разглядеть не успел,
Он уже зашагал к своей цели великой.

КРАСОТА И УРОДСТВО

Как у звезд и луны в голубых небесах,
Есть у мысли восходы свои и закаты,
Есть подъемы и спуски у каждой души,
Все мы чем-то бедны или чем-то богаты.
В нас уродливо все, что корыстно и зло,
А прекрасное в нас — бескорыстно и свято.

СТУДЕНТУ

Пускай творец поднимет бунт в пустых мозгах твоих,
Пускай завоюет ураган в унылом мире книг,
Там — безмятежность и покой, там — цели никакой,
Там человек — владелец книг, но не хозяин их.

ИСПЫТАНИЕ

«Выпрыгнешь или утонешь — только я один решаю,
Я — судьбы твоей хозяин, — шепчет гальке ручеек. —
Ты лежишь в моих объятьях, я спешу навстречу морю,
Путь твой короток и ясен, путь мой труден и далек,
И пока ты по дороге о скалу не разобьешься,
Невозможно разобратся, ты — гранит или песок».

ШКОЛА

Наш век — как ангел смерти — калечит наши души,
А нам взамен заботы житейские дает.
Страдать не хочет сердце, оно борьбы боится
И, стиснутое страхом, при жизни не живет.
Мы знаем слишком много для дерзости беспечной,
Мы знаем слишком мало, чтобы смотреть вперед.
Дала тебе природа бесстрашный взгляд орлиный,
Но от бессилья мысли ты слепнешь, словно крот.
Пускай скрывает школа от глаз твоих природу,
Хранятся ее тайны среди лесов и вод.

ВЕРА И ОБРАЗОВАНИЕ

Мне известны обычаи старцев мечети:
Нет, не верой мечеть, но притворством сильна.
И основа основ христианнейшей церкви
Тоже больше пороку, чем правде, верна.
Та страна, что своих идеалов не ценит,
На позор и презрение обречена.
Там, где может споткнуться случайный прохожий,
Не должны спотыкаться народ и страна.

ЖЕНЩИНА

О ЖЕНЩИНЕ

От гармонии женской светлее угрюмая жизнь,
И палитра земная без женщины однотонна.
Даже горсть ее праха дороже небесных светил,
Благородство ее — как роса на ресницах бутона.
Рождены диалоги Платона не женским умом,
Но из пламени женщины вспыхнула искра Платона.

Ж Е Н Щ И Н Е

Сущность мужская себя утверждает сама,
Только в общенье с мужскою раскроется женская суть:
Ради создания жизни несет она бремя свое,
Вечное творчество — вот ее жизненный путь.
Вечное пламя, в котором рождается жизнь,
Снова и снова кричит человечеству: «Будь!»
Женщина, боль моя, как я жалею тебя,
Только сочувствие это тебе не поможет ничуть.

ЛИТЕРАТУРА И ИЗЯЩНЫЕ ИСКУССТВА

ТВОРЧЕСТВО

Воздвигнем новый мир — грядущего чертог,
Мир не из мрамора: из чувств, идей, тревог.
И будет в океан желаньем всемогущим
Внезапно превращен случайный ручеек.
Кто дышит вечностью, кто каждый миг бессмертен —
Тот цепи времени порвал и превозмог.
Пусть скованы сердца и тайны мирозданья
Познать не может дремлющий Восток,
Но ветра нового доносится дыханье,—
Очнутся все, и я не буду одинок.

К СВОЕЙ ПОЭЗИИ

К чему заявлять о себе, безрассудно срывая покровы?
Заветные тайны мои пред толпой раскрывать для чего ж?
Так мечется искра во тьме, от костра оторвавшись родного...
И ты только в пламенном сердце приют благодатный найдешь.

ЛУЧИ НАДЕЖДЫ

Так солнце обращается ко всем лучам своим:
«В мире от черной полночи рассвет неотличим.
Вы видите, столетьями скитаясь в поднебесье,
Что этот мир становится бесчувственным и злым.
И вас уже не радует сверкание песчинок,
Вы равнодушно кружитесь над садом молодым.
Ко мне, назад,— горячее я вам раскрою сердце!
Мы этот мир безжизненный напрасно золотим».

Тогда, от горизонта обратно устремясь,
Лучи вернулись к солнцу, быть может, в первый раз...
«На Западе сиять нам отныне невозможно:
Европа в дым заводов сегодня облеклась.
Храня еще былую таинственную прелесть,
Восток, как мир загробный, безмолвствует сейчас.
Опять прижмемся, солнце, к твоей груди горячей:
Стань, дивное светило, прибежищем для нас».

Луч дерзкий и живой, как гурий быстрый взгляд,
Как ртуть, стремящийся куда-то наугад,
Так возразил: «Чтоб стала лучезарной

Земля восточная — вернуться дай назад:
Я темной Индии просторы не покину,—
Пускай проснутся те, что ныне крепко спят.
Ведь Индия — всего Востока упование,
Икбала слезы там и боль его утрат.
Лишь ради Индии светлы созвездий очи.
Там камни — жемчуга, земля — волшебный клад.
Там есть искатели жемчужин откровенья,
Им не страшны моря, и нет для них преград.
Но без смычка теперь молчат живые струны,
Чей пламенный напев был так красив и свят.
Уснули брахманы перед порогом храма,
Дух мусульманина в мечети мглой объят.
Спеши ж спасти Восток и Западу помочь,
Пусть утро светлое прервет слепую ночь!»

Н О В Ы Й М И Р

Раскроется сердцам горячим и живым
Тот мир, что, может быть, еще неуловим.
И этот новый мир, нам грезящийся тайно,
Мы явью сделаем и людям отдадим.
Возникнет он из множества песчинок,
Прославится величием своим.

СОЗДАНИЕ НОВОГО

Конечно, мастера научены богами,—
Но все же созидать они дерзают сами.
Хафиз или Бехзад огнем своих сердец
Зажгли прекрасного божественное пламя.
Фархада светел дом,— то искрится тесак..
И если гений ты — трудись еще упрямей.

МУЗЫКА

Нет, песни не нужны, коль скоро их мотивы
Не вдохновляют нас, скучны и некрасивы.
Как может музыку не осквернить певец,
Когда его уста и совесть нечестивы?
Я был на Западе, объездил я Восток —
Нигде нет музыки, которой люди живы!

П О Э З И И

Не ведая тайны поэзии, все ж полагаю:
Свой образ народ только в ней лишь одной сохранил.
Там вечная жизнь — без конца, без предела и края,
Порою поэзия с неба нисходит иная,—
Там глас Джебраила, там гимны поет Исафил.

ТАНЦЫ И МУЗЫКА

И ад и рай в поэзии, в ней все — и свет и тени.
И в плясках чувства разные, и в музыке, и в пенье.
О музыке мне вспомнилось китайца изречение:
Душа ее — поэзия, а танец — воплощенье.

С Д Е Р Ж А Н Н О С Т Ь

На время сетовать пристойно для мирян,
Но дервиш — все терни, любую боль и рану.
Мне старец говорил: дается бремя ран
Тигрице — чтоб терпеть, и чтоб стонать — барану.

ПОЛИТИКА ВОСТОКА И ЗАПАДА

РЕВОЛЮЦИЯ

Радостей и скорбей нет на земле моей,—
Запад убил сердца, личность убил Восток.
Ярость растет в сердцах, сила растет в руках.
Старый, прогнивший мир! Видно, пришел твой срок.

ЛЕСТЬ

Хоть я далек от суеты и от мирских забот,
Но зорким взглядом я гляжу в глаза делам земным:
Мы, как и раньше, льстить должны властителям своим,
Но время движется вперед, и лесть идет за ним.
Теперь, пожалуй, оскорбят, когда решат польстить:
Сову не назовут совой, а соколом ночным.

НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

Для народа, который сегодня не познает ни счастья, ни боли,
Для него, одряхлевшего сердцем, и в грядущем не вспахано поле.
Это значит, что он, равнодушный, не достоин грядущих смятений,
Это значит, что будущей жизни он лишился по собственной воле.

ВОСТОК

Мой голос на рассвете терзает грудь тюльпана,
Но ветер не добрался до сада моего.
Скорбит душа Востока и воплощенья ищет,
Но в ком ей поселиться? Не видит никого...
Пусть и мое ученье заслуживает кары,
Но время не находит веревки для него.

ЕВРОПЕЙСКИЕ ПОРЯДКИ

Европа потягаться с богом могла б теперь порядком строгим,
Но лишь богатый бьет поклоны пред алтарем его убогим.
Сын зла, всевышним сотворенный, — один-единственный на свете,
А европейские порядки — причина злодеяньям многим.

У П Р А В Л Е Н И Е

Наш век, по существу, ничем не лучше прежних,
За нас решает все политик или жрец;
Ни мудрости у них, ни силы нет особой,
Но с рабством за века мы свыклись наконец,—
Нетрудно управлять покорными рабами,
Которым рабский дух пробрался в глубь сердец.

ВЕЧНОЕ ВЛАДЫЧЕСТВО

Хоть жемчужину-суть в океане времен я ищу,
Не влекут меня власть и ее золотые оковы.
Не бывает в природе великих и вечных владык,
И никто из владык не изменит закона земного:
Не разрушены стены, которые строил Фархад,
А Парвиз о себе не оставил и доброго слова.

ЖАЛОБА

О Индия, страна моя, темна судьба твоя:
Ты все еще жемчужина — краса чужой короны,
Крестьянин твой, кормилец твой, похож на мертвеца,—
Истлевший саван он надел и нищету взял в жены.
Мертвы и тело и душа: ни дома, ни жилья,
И лишь над кладбищем надежд в ночи кружат вороны.
Но не Европу я виню, а лишь тебя саму:
Зачем ты, гордость позабыв, смиренно бьешь поклоны?

С О В Е Т

Однажды сыну своему сказал английский лорд:
«Всегда дари глазам своим подвижные картины.
И помни, незачем овце твердить о нравах льва,
Все благодетели стократ в жестокости повинны.
Пусть тайна власти навсегда умрет в груди владык,
Ты не марай свой острый меч о согнутые спины.
Облей покорных кислотой премудрости своей
И все, что выгодно тебе, лепи из этой глины.
Образование в наш век — любых кислот сильнее:
Оно способно растворить и горы-исполины».

ПИРАТ И АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ

Александр — пирату:

Что предпочтешь ты: меч стальной или стальную цепь?
Из-за тебя в свои моря я выйти не могу.

Пират — Александру:

Напрасно доблестный мой брат на брата поднял меч,
Напрасно брату своему грозит он, как врагу:
Разбойник я, но ведь и ты — разбойник, Александр,—
На море граблю я людей, а ты — на берегу.

О Л И Г Е Н А Ц И Й

Несколько дней уже при смерти бедная Лига,
Все мы готовы услышать печальную весть.
Плачут в церквах собеседники господа бога,
Молят творца, чтобы все оставалось как есть,
Так что, возможно, наложница старцев Европы
Жизнь сохранит, сатане заложив свою честь.

ПРИМЕЧАНИЯ

«ЗВОН КАРАВАННОГО КОЛОКОЛЬЧИКА»

В книге «Звон караванного колокольчика» («Банг-и дара») собраны поэтические произведения М. Икбала на языке урду, написанные в первые два десятилетия его творческой жизни. Поэт сам разделил книгу на три части. Первая часть — стихи, написанные до поездки в Европу. «Караван поэзии» Икбала делает первые шаги, и в звоне его колокольцев слышатся и радостное чувство слитности с природой, и грустные ноты долгих размышлений над жизнью, и бьющая набатом мысль о необходимости индийско-мусульманского единства. Стихотворения «Крик боли», «Картина страданий» и «Новый храм» — программные произведения этого периода. Вторая часть книги — стихи, написанные в годы пребывания поэта в Европе. «Студентам Алигархского колледжа» — стихотворение, лучше других характеризующее воззрения Икбала в этот период. Содержание стихов третьей части определяется стремлением пробудить дух активности у своих соотечественников — мысль, во многом характеризующая творчество поэта в целом.

Стр. 23. Гималаи

Синай — в Библии и Коране гора Синайская; на ее вершине, по преданию, пророк Моисей получил десять заповедей бога. В легенде рассказывается, что при восхождении Моисея Синай был охвачен пламенем.

Стр. 25. Алая роза

Пусть не чаша Джамшида — мой стих, пусть в нем мир не живет... — По преданию, чаша мифического иранского шаха Джамшида (или Джамшеда) обладала способностью отражать в себе весь мир.

Стр. 29. Гора и белка

Стихотворение написано по мотивам одноименного произведения американского поэта Р. Эмерсона (1803—1882), близкого Икбалу философской окраской своей ранней лирики.

Стр. 35. Доброта

Стихотворение написано по мотивам одного из произведений английского поэта У. Купера (1731—1800).

Стр. 38. Свеча и мотылек

Свеча и мотылек — традиционный образ. Свеча — символ возлюбленной (в мистическом толковании — бог). Влюбленного мотылька неудержимо притягивает свет свечи, и он с восторгом летит к огню, чтобы, сгорая в пламени, на миг уподобиться самой свече.

До своей поездки в Европу (1905—1908) Икбал был во власти пантеистических представлений о путях единения с богом: человек, желающий достигнуть этого единения, должен впасть в состояние экстаза, пережить минуты отрешенности от всего земного, в том числе и от своей бренной оболочки, ничего не знать, ничем не интересоваться. Позднее Икбал выдвигает концепцию бога-личности, приблизиться к которому (но не раствориться в нем) сможет «совершенный человек» — человек верующий, любящий, борющийся за счастье свое, своего народа, своей страны. Поэтому меняется и трактовка многих образов; так, мотылек уже

не стораёт в пламени свечи, но поддается ее воздействию — жажда света одухотворяет его, любовь придает ему внутреннюю озабоченность. Вместе с тем следует отметить, что в поэзии Икбал нередко отступал от своих философских построений.

Стр. 40. Солнце

«Гаятри Мантра» — гимн солнцу из древних священных книг индусов — вед; стихотворение «Солнце» — вольный перевод гимна с санскрита на урду — пример обращения поэта к сокровищам древней индийской культуры.

Стр. 41. Одно желание

Муэдзин — служитель мечети, по установленному обряду с минарета призывающий верующих к молитве.

Стр. 46. Любовь и смерть

Стихотворение написано по мотивам одноименного произведения английского поэта А. Теннисона (1809—1892).

Стр. 48. Поэт

Стихотворение представляет собой так называемое «назира» — поэтический ответ на стихотворение другого автора. Первая строка стихотворения принадлежит персидскому поэту Муслихиддину Саади (1184—1291). Икбал, взяв широкоизвестную строку из книги Саади «Гулистан», дает свое толкование темы, через столетия и огромное расстояние как бы отвечая своему великому предшественнику.

Стр. 52. Картина страданий

Искандер (Александр). — Здесь и далее в книге автор, упоминая это имя, имеет в виду Александра Македонского.

И не молчи — кричи! Безумствуй и стенай... — Больше всего осуждал Икбал молчаливую рабскую покорность. Поэтому даже стенания могут родить у человека ощущение подъема, считает он, — человек не должен молчать!

У Икбала есть целая серия таких образов, в которых воспевается счастье стремления к цели; опасности и душевные

затраты, ждущие человека на пути к счастью, его только радуют. «Я не пойду в Каабу, ибо путь туда безопасен», — говорит поэт.

Ты, как сипанд в огне, готов стелать от мук... — Сипанд (рута) — плод растения семейства рутовых. Брошенные в огонь плоды потрескивают, поэтому считается, что горящий сипанд жалуется на свою судьбу.

Юсуфа смог бы ты в колодце заключить? — Намек на легенду о Юсуфе — Иосифе Прекрасном, брата которого, взревновав к его красоте, бросили мальчика в колодец, откуда он был вызволен проходившим мимо караваном и продан в рабство.

Джамшида чашу ты поднес к слепым глазам... — См. примечание к стр. 25.

Не солнце тянет ввысь покорную росу — роса летит к нему в блаженном забытьи. — Солнце — символ возлюбленной, которая в глазах влюбленного (росы) обладает огромной притягательной силой. На Востоке считается, что солнце «притягивает росу». По традиции, близость влюбленных (в мистическом толковании — близость человека к богу) возможна только тогда, когда возлюбленная сама подаст знак влюбленному. Икбал, воспевавший активного человека, меняет традиционное содержание образа, предоставив инициативу самой росе: она «в блаженном забытьи» летит к солнцу, не ожидая призыва.

Все хвори исцелит желаний острый меч. Пусть рана жжет тебя — должно живое жечь! — Икбал часто пишет о страсти, оставляющей рану в сердце; страсть сама по себе кажется поэту столь прекрасной, что он снова и снова призывает ее как «желаний острый меч», ибо человек, лишенный жжения страсти, — всего лишь жалкая горсть праха. Желание и страсть понимаются как преобразующая сила в жизни человека, как творческое начало.

Любовь — душа Ширин, любовь — Фархада кровь... — Намек на легенду о царице Ширин и любви к ней каменотеса Фархада — излюбленный сюжет множества романтических произведений Вос-

тока, от Низами до наших дней («Легенда о любви» Н. Хикмета, 1952); в стихах Икбала часто встречаются реминисценции этой легенды. Из любви к Ширин Фархад сменил профессию строителя на ремесло каменотеса и взялся вырубить в скалах сток ради того, чтобы Ширин в далеком горном замке могла получать молоко прямо с пастбищ (по Низами). Ширин — возлюбленная слабого и непостоянного шаха Хосрова Парвиза, силой своей любви и ума сумевшая в конце концов сделать Парвиза достойным своего чувства (по Низами).

Бистун — неприступная гора, сквозь которую Фархад прокладывал дорогу к замку Ширин.

Стр. 63. Новый храм

Брахман — человек, принадлежащий к высшей касте индийского общества — касте брахманов. Здесь — священнослужитель индуистского храма.

Ваиз — проповедник (в мечети).

Суры — главы, на которые делится священная книга мусульман — Коран.

Стр. 69. На берегу Рави

Рави — одна из пяти рек в области Пенджаб (Пятиречье), протекает вблизи города Лахора, где долгие годы жил поэт.

Кааба — Черный камень, почитаемый у мусульман святыней. См. также примечание к стр. 75.

Чагатай. — Поэт имеет в виду падишаха Джахангира (1605—1627) из династии Великих Моголов, по материнской линии ведущего свой род от чагатайских тюрок.

Стр. 75. Студентам Алигархского колледжа

В Хиджазе влеченьем к Мекке возвышены мусульмане... — Хиджаз — область Аравийского полуострова, там расположен город Мекка со святыней мусульман — Черным камнем (Кааба), видимо метеоритного происхождения, который почитался священным еще в доисламские времена.

Стр. 76. Утренняя звезда

Зевар — женское украшение, убранство, серьги.

Стр. 77. Красота и любовь

Как перед Синаем рука Моисея...— Поэт хочет сказать, что излучающая свет десница Моисея (одно из чудес пророка) уступает в блеске объятый пламенем горе Синайской.

Стр. 82. Неверный возлюбленный

Пусть хоть каждый миг влекусь я к новой красоте — истинной не изменяю, предан лишь одной!— Для мироощущения Икбала в ранний период его творчества характерны эстетический пантеизм, то есть понимание природы как вечной, истинной красоты, и чувство слитности человека с окружающим миром. Это чувство для поэта выражается в том, что в каждой «новой красоте» он видит проявление красоты истинной.

Стр. 85. Блеск красоты

И покорится ей незрелый, скудный разум...— Поэзия Икбала неизменно отдает непосредственному чувству преимущество перед рассудком. Разум, не воодушевляемый горячим чувством, страстью к творчеству, к созиданию, любовью к красоте — бесплоден, утверждает он. Только разум, поднявшийся на гребне огромного чувства, которое рождается при соприкосновении с красотой, способен обратить науку на пользу людей и сделать их жизнь исполненной смысла. Поэтому разум должен смиренно преклониться перед красотой, которая только одна и может вдохнуть в него силы.

Стр. 86. Вечер

Река Неккар — река в Германии, приток Рейпа, протекает недалеко от города Гейдельберга, где Икбал посещал университет в годы своего учения в Германии.

Стр. 93. Поэт

Он восславит Ибразима в трудный, горький час, в час, когда на путь Авара встанет весь народ.— Поэт имеет в виду легенду

об Азаро и сыне его Ибрахиме (библейский Авраам). Азар был идолопоклонником и создавал изображения идолов, его сын Ибрахим уверовал в аллаха и уничтожил эти изображения.

Стр. 96. Капитал и труд

Рабочим передай посланье...— В стихотворении, представляющем собой отрывок из поэмы «Хизр на пути», поэт обращается к Хизру — пророку, с именем которого на Востоке связано множество легенд и народных поверий. Хизр, по преданию, был проводником Искандера — Александра Македонского — в его поисках живой воды. Сам он испил живой воды, поэтому жив и сейчас и имеет облик благородного, убеленного сединами старца: если он встречается на пути человека и тот узнает его — можно, схватив Хизра за полу одежды, высказать ему любую просьбу, и она будет исполнена.

Стр. 98. Сатирические стихи

Шейх — почетный титул мусульманского праведника.

«ТАЙНЫ ЛИЧНОСТИ»

Книга «Тайны личности» («Асрар-и худи») представляет собой единое произведение, поэму, написанную небольшими главами. Автор раскрывает в поэме содержание собственной концепции личности (худи), человеческого и божественного «я». Некоторые главы поэмы иллюстрируются притчами; «Повесть об алмазе и угле» — одна из них.

В книге «Тайны личности» Икбал-философ предлагает путь спасения угнетенным народам Востока; это спасение он видит в совершенствовании человеческой личности, в приобретении ею атрибутов божественного «я», наконец, в отказе от тех философий, которые превращают народ в «покорное стадо баранов», в наркоманов, неспособных принимать твердые решения и вести борьбу (имеется в виду неоплатонизм и пантеизм суфиев).

«ПОСЛАНИЕ ВОСТОКА»

Книга «Послание Востока» («Пайам-и машрик»), по замыслу Икбала, является ответом на «Западно-восточный диван» Гете; такие поэтические «ответы» — известный литературный прием в восточной поэзии.

Свою книгу поэт посвятил афганскому королю Амир Амапулле-хану, который первым из правителей на Среднем Востоке дерзнул поднять голос против английского контроля над страной. Икбал видел в его борьбе залог победы над колониальным господством в других угнетенных странах Востока.

В сборнике четыре раздела: «Тюльпан горы Синайской», «Размышления», «Терпкое вино» и «Европейские зарисовки». В настоящее издание вошли наиболее значительные произведения из второго и четвертого разделов.

Стр. 108. Покорение природы

В основе произведения лежит легенда из Корана об изгнании Адама из рая. В поэтике Икбала сатана — рациональное начало, бог — эмоциональное. По легенде, бог сотворил сатану из света, так же как и других ангелов. Затем он слепил из глины Адама и призвал ангелов, чтобы они поклонились человеку. Сатана отказался поклониться «горсти праха» и был отвергнут богом.

Адам, поддавшийся искушению сатаны, был изгнан из рая. Покорив природу, он становится властелином земли.

Стань перлом, жалкая капля... — Традиционному образу океана и капли, обычно выражающему мысль о слиянии человека (капли) с высшим началом (океаном), Икбал придает иное звучание, — в каждой капле, в каждой отдельной личности заложена способность не растворяться, но сохранять свою индивидуальность в океане других капель.

...молоко из скалы молотом звонким извлек... — Намек на Фархада.

...горстью земли покорен пламени сын — сатана...— Хотя, противоставляя любовь и рассудок, Икбал отдает предпочтение эмоциональному началу, он считает все же, что Адам прав, предпочтя скепсис сатаны слепой вере. По Икбалу, человек, соединив в себе разум и чувство, победил сатану — стал хозяином вселенной.

Стр. 117. Назидание сокола соколенку

Подобен будь Симургу, что в былом Рустама прикрывал своим крылом.— Симург — мифическая птица, по преданию живущая в горах Эльбурс.

В «Шах-наме» Фирдоуси Симург вырастил в своем гнезде богатыря Заль Зара. Сын Залья Рустам — любимый герой народных сказаний, а в «Шах-наме» — главный герой «богатырской» части произведения. Симург помогает Рустаму в битвах, осеняя его своим крылом.

...не тронь земли — выражение, которым поэт хочет сказать: «не прикасайся ни к чему грязному».

Стр. 119. Книжный червь

Абу Али исследую страницы...— Абу Али Ибн-Сина (980—1037), известный на Западе под именем Авиценны — гениальный ученый раннего средневековья, врач, философ и поэт.

Фариаби, или Фарьяби (ум. в 1202 г.) — персидский поэт.

Стр. 122. Песня караванщика

Нар — одно из названий верблюда.

Лейли — героиня арабского предания, любовь к ней Меджнуна — постоянная тема ближневосточной и средневосточной средневековой поэзии.

Хизр — см. примечание к стр. 96.

Дастан — здесь: предание; обычно — поэтическое повествование крупного жанра.

Стр. 124. Капля воды

Упала в море капля дождевая... — Эта и следующие три строки принадлежат Саади (книга «Бустан», гл. 4); отвечая Саади,

Икбал спорит с ним, ибо Саади предполагает, что прежде чем капля удостоится чести стать жемчужиной, она должна полностью осознать свою ничтожность перед лицом океана; у Икбала, напротив, сам океан внушает капле мысль о ее ценности еще даже до того, как она становится жемчужиной.

Стр. 126. К р а в ч е м у

Кашгар — город в Синьцзяне (Северный Китай).

Кашан — город в центре Ирана.

Стр. 134. К а ш м и р

Саз — струнный щипковый музыкальный инструмент, популярный на Востоке.

Стр. 136. Разговор французского мыслителя Огюста Конта с рабочим

Махмуду власть — работа для Аяза... — Намек на Махмуда Газневийского (969—1030), одного из крупнейших завоевателей средневековья, создавшего огромную империю с центром в Газне. Аяз — его раб и фаворит. Икбал переосмысливает поэтическую традицию, противопоставляя Аяза Махмуду, делая имя Аяза символом рабства.

...по какому праву Парвизу отдаешь Фархада славу. — Парвиз в «треугольнике» Фархад — Ширин — Парвиз — символ хитрости. Он обещал Фархаду отказаться от Ширин, если богатырь согласится на работу, в сущности невыполнимую, — расколоть гору Бистун и проложить дорогу к замку Ширин. Однако любовь одушевляет Фархада настолько, что он почти кончает прокладку дороги, когда Парвиз, боясь, что ему придется выполнять обещание, подсылает к Фархаду гонца с ложной вестью о смерти Ширин; простодушный богатырь умирает от горя.

Стр. 138. Доля хозяина и рабочего

Стихотворение построено по типу персидской народной сказки о разделе наследства между старшим и младшим братьями, где старший брат говорит: «Этот серый, толстопузый бездельник,

который только и умеет, что поедать зерно (осел),— мне, а этот пушистый, теплый, ласковый, умеющий так красиво петь (кот),— тебе...» — и так далее.

Анка — сказочная птица, которую невозможно увидеть; символ недоступности.

«КРЫЛЬЯ ГАВРИИЛА»

Гавриил (б и бл.) или *Джебраил* — вестник, архангел.

По Корану, бог поручает *Джебраилу* передавать пророкам свои послания. Так, например, считается, что именно через *Джебраила* бог известил *Мухаммада* о его миссии и наделил его даром предсказания. Легенда о *Джебраиле* очень развита у *мусульман*, ему приписывается множество деяний: он советует *Ною* построить ковчег, учит *Адама* азбуку и так далее.

В названии книги («*Бал-и Джебраил*») заключается намек на пророка *Джебраила*, с могучими крыльями которого ассоциируется представление о величественных задачах поэзии. В книгу вошли стихи, написанные *Икбалом* после его второй поездки по странам Европы в начале 30-х годов.

Стр. 145. *Д ж а в и д у*

Джавид Икбал — сын поэта, обращенные к нему стихи написаны поэтом в Англии.

Стр. 152 *К р е с т ь я н и н у* из *П е н д ж а б а*

Лал — драгоценный камень.

«ПОСОХ МОИСЕЯ»

Название книги («*Зарби Калим*») указывает на чудеса, которые, по преданию, совершал пророк *Моисей* с помощью своего посоха.

Икбал, бывавший в Европе до первой мировой войны и в 30-е годы, на всю жизнь сохранил глубокое убеждение, что западная демократия насквозь лжива и что для народов Востока

неприемлем путь, который ведет «к самоубийству цивилизации». «Зачем нужна такая наука, которая изобретает бомбы и газы!» — восклицал он. Ни в странах буржуазного Запада, ни на колониальном Востоке не видит Икбал свежего дыхания жизни. Ему кажется, что «на Западе душа у людей мертва, а на Востоке — мертво тело». Дать оценку различным сторонам европейской жизни, пробудить дух активности в согражданах — вот чудо, которое хочет совершить поэт своим «Посохом Моисея».

Стр. 160. Завещание Типу-султана

Типу-султан (ум. в 1799 г.) — правитель княжества Майсур в южной Индии, боролся против английской Ост-Индской компании, стремясь слотить для этой борьбы индийские феодальные государства.

Стр. 174. Создание нового

Хафиз, Шамсиддин (1325—1389) — великий персидский лирик, которого называли «ширазский соловей».

Бехзад, Камалиддин (ок. 1445—1533) — великий художник-миниатюрист XVI века, мастер гератской школы миниатюры. Его произведения отличались богатством красок и изяществом.

Стр. 176. Поэзия

Исрафил — пророк. Имя коранического вестника Исрафила, несомненно, восходит к библейскому Серафиму. Исрафил (в Коране) четырехкрылый гигант. К губам своим он постоянно прижимает рожок, чтобы в день, назначенный богом для воскрешения мертвых, пробудить их от вечного сна и призвать на божий суд.

СОДЕРЖАНИЕ

Л. Полонская. Мухаммад Икбал 5

Из книги

«ЗВОН КАРАВАННОГО КОЛОКОЛЬЧИКА»

Стихи 1902—1904 гг.

Гималаи. <i>Перевел С. Липкин</i>	23
Алая роза. <i>Перевел С. Липкин</i>	25
Паук и муха. <i>Перевел С. Липкин</i>	27
Гора и белка. <i>Перевел С. Липкин</i>	29
Корова и коза. <i>Перевел С. Липкин</i>	31
Молитва ребенка. <i>Перевел С. Липкин</i>	34
Доброта. <i>Перевел С. Липкин</i>	35
Жалоба птицы. <i>Перевел С. Липкин</i>	36
Свеча и мотылек. <i>Перевел С. Липкин</i>	38
Крик боли. <i>Перевел С. Липкин</i>	39
Солнце. <i>Перевел С. Липкин</i>	40
Одно желание. <i>Перевел С. Липкин</i>	41
Утреннее солнце. <i>Перевел С. Липкин</i>	43

Увядающая роза. Перевел С. Липкин	45
Любовь и смерть. Перевел С. Липкин	46
Поэт. Перевел С. Липкин	48
Речная волна. Перевел С. Липкин	49
Дитя. Перевел С. Липкин	50
Картина страданий (Поэма). Перевел Д. Голубков	52
Луне. Перевела Н. Воронель	58
Гимн Индии. Перевел В. Рогов	60
Светлячок. Перевел В. Рогов	61
Новый храм. Перевел С. Северцев	63
Туча. Перевел В. Рогов	64
Птица и светлячок. Перевел С. Северцев	65
Ребенок и свеча. Перевел С. Северцев	67
На берегу Рави. Перевел В. Рогов	69
Газели. Перевел С. Северцев	71

Стихи 1905—1908 гг.

Сущность красоты. Перевела В. Звягинцева	73
Послание. Перевела В. Звягинцева	74
Студентам Алигархского колледжа. Перевела В. Звягинцева	75
Утренняя звезда. Перевела В. Звягинцева	76
Красота и любовь. Перевела В. Звягинцева	77
Бутоны. Перевела В. Звягинцева	79
Луна и звезды. Перевела В. Звягинцева	80
Неверный возлюбленный. Перевела В. Звягинцева	82
Человек. Перевела В. Звягинцева	84
Блеск красоты. Перевела В. Звягинцева	85
Вечер. Перевела В. Звягинцева	86
Одиночество. Перевела В. Звягинцева	87

Стихи 1909—1924 гг.

Звезда. Перевела В. Воронель	88
Луна. Перевел В. Рогов	89
Ночь и поэт. Перевел Н. Стефанович	90
Человеку. Перевел Н. Стефанович	92
Поэт. Перевела Н. Воронель	93
Разговор. Перевела Н. Воронель	94
Держись за дерево и верь в свою весну. Перевел Н. Стефанович	95
Капитал и труд. Перевел Н. Стефанович	96
Сатирические стихи. Перевел Н. Стефанович	98
Рубай. Перевел Н. Стефанович	100

Из книги «ТАЙНЫ ЛИЧНОСТИ»

Повесть об алмазе и угле. Перевел Л. Латынин	103
--	-----

Из книги «ПОСЛАНИЕ ВОСТОКА»

Размышления

Первый весенний цветок. Перевела М. Петровых	107
Покорение природы. Перевела М. Петровых	108
Весна. Перевела М. Петровых	112
Вечная жизнь. Перевела М. Петровых	114
Мысли звезд. Перевела М. Петровых	115
Утренний ветерок. Перевела М. Петровых	116
Назидание сокола соколенку. Перевела М. Петровых	117
Книжный червь. Перевела М. Петровых	119

Светлячок. <i>Перевела М. Петровых</i>	120
Песня караванщика. <i>Перевела М. Петровых</i>	122
Капля воды. <i>Перевела М. Петровых</i>	124
Разговор творца с человеком. <i>Перевела М. Петровых</i>	125
Кравчему. <i>Перевела М. Петровых</i>	126
Сокол и рыба. <i>Перевела М. Петровых</i>	128
Одиночество. <i>Перевела М. Петровых</i>	129
Живи в опасности. <i>Перевела М. Петровых</i>	130
Гурия и поэт. <i>Перевела М. Петровых</i>	131
Волна и берег. <i>Перевела М. Петровых</i>	133
Кашмир. <i>Перевела М. Петровых</i>	134

Европейские зарисовки

Петефи. <i>Перевел Л. Лагынин</i>	135
Разговор французского мыслителя Огюста Конта с ра- бочим. <i>Перевел Л. Лагынин</i>	136
Доля хозяина и рабочего. <i>Перевел Л. Лагынин</i>	138
Голос рабочего. <i>Перевел Л. Лагынин</i>	139

Из книги «КРЫЛЬЯ ГАВРИИЛА»

«Дай юным жажду глаз моих...» <i>Перевел Д. Голубков</i>	143
Мотылек и светлячок. <i>Перевел Д. Голубков</i>	144
Джавиду. <i>Перевел Д. Голубков</i>	145
Ангелы провожают Адама из рая. <i>Перевел Д. Голуб- ков</i>	146
Дух земли встречает Адама. <i>Перевел Д. Голубков</i>	147
Послание звезды. <i>Перевел Д. Голубков</i>	149
Джавиду. <i>Перевел Д. Голубков</i>	150

Вопрос. Перевел Д. Голубков	151
Крестьянину из Пенджаба. Перевел Д. Голубков	152
Кровь. Перевел Д. Голубков	153
Полет. Перевел Д. Голубков	154
Муравей и орел. Перевел Д. Голубков	155

Из книги

«ПОСОХ МОИСЕЯ», ИЛИ «ВОЙНА НАСТОЯЩЕМУ»

Просвещение и воспитание

Откровение. Перевела Н. Воронель	159
Завещание Типу-султана. Перевела Н. Воронель	160
Пробуждение. Перевела Н. Воронель	161
Красота и уродство. Перевела Н. Воронель	162
Студенту. Перевела Н. Воронель	163
Испытание. Перевела Н. Воронель	164
Школа. Перевела Н. Воронель	165
Вера и образование. Перевела П. Воронель	166

Женщина

О женщине. Перевела П. Воронель	167
Женщине. Перевела Н. Воронель	168

Литература и изящные искусства

Творчество. Перевел Н. Стефанович	169
К своей поэзии. Перевел Н. Стефанович	170
Лучи надежды. Перевел Н. Стефанович	171

Новый мир. Перевел Н. Стефанович	173
Создание нового. Перевел Н. Стефанович	174
Музыка. Перевел Н. Стефанович	175
Поэзия. Перевел Н. Стефанович	176
Танцы и музыка. Перевел Н. Стефанович	177
Сдержанность. Перевел Н. Стефанович	178

Политика Востока и Запада

Революция. Перевела Н. Воронель	179
Лесть. Перевела Н. Воронель	180
Настоящее и будущее. Перевела Н. Воронель	181
Восток. Перевела Н. Воронель	182
Европейские порядки. Перевела Н. Воронель	183
Управление. Перевела Н. Воронель	184
Вечное владычество. Перевела Н. Воронель	185
Жалоба. Перевела Н. Воронель	186
Совет. Перевела Н. Воронель	187
Пират и Александр Македонский. Перевела Н. Воронель	188
О Лиге наций. Перевела Н. Воронель	189
Примечания	190